

Длинные версты

Автор:

Владислав Конюшевский

Длинные версты

Владислав Николаевич Конюшевский

Боевой 1918 год #2Фантастический боевик. Новая эра

Попаданец в восемнадцатый год хоть и определился со стороной, но так и не смог заставить себя делить людей исключительно по классовому признаку. Он слишком прагматичен для подобной глупости. Да и знания будущего заставляют его искать свой путь. Поэтому Чур с одинаковой легкостью может закатать в морду как за призывы к мировой революции, так и за призывы к уничтожению Советов. Наверное, из-за этого и людей в батальон подбирает себе под стать, отталкиваясь лишь от личных качеств человека. И там уже плевать, кто это – бывший барон или вчерашний крестьянин. А кому не нравится такой подход, что же... Лучший красный командир он потому и лучший, что умеет убеждать несогласных как добрым словом, так и совсем недобрым пистолетом. Тем более что Брестский мир не был заключен, и Россия продолжает участие в Первой мировой войне. А значит, есть безусловный враг, единый для всех.

В книге присутствует нецензурная брань!

Владислав Конюшевский

Длинные версты

© Владислав Конюшевский, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Глава 1

Я задумчиво смотрел на возвышающуюся передо мной громаду бронепоезда PZ12[1 - PZ – немецкое название бронепоезда.], а в голове почему-то навязчиво звучало: «Наш паровоз вперед летит...» При этом, зараза, крутилась всего одна строчка, что сильно раздражало. Тем более что вот этот данный, конкретный «паровоз» никуда не полетит. Вес у него не тот, чтобы летать. Сами посудите – два броневAGONА с орудиями и пулеметами. Еще один, чисто с пулеметами. Присутствовала даже зенитная платформа с высокими металлическими бортами, в которой, на станках, солидно направив стволы в небо, было установлено два здоровенных изделия Хайрема Максима. С калибром аж тридцать семь миллиметров. Это уже, блин, не пулемет. Это пушка. В принципе, англичане ее так и называли – скорострельная автоматическая пушка. Или в просторечии «пом-пом». Как эту хрень называли немцы, я даже не знаю. Да и плевать, потому что до меня только сейчас стала доходить вся пикантность возникшей ситуации.

Нет, мы герои. Без вопросов! Молодецким наскоком захватили целенький вражеский БеПо![2 - БП – бронепоезд.]

А вот дальше что с ним делать? Еще пару часов назад у меня подобных мыслей не возникало. Выпучив глаза и капая слюной, думал, что вот завладеем этим трофеем, и я развернусь во всю ширь своей нескромной души. Угу... сейчас! Только теперь дошло, что эту штуку, помимо угля, надо еще и водой заправлять. Водой! Не знаю уж с какой периодичностью, но вот большущие гусаки для заправки торчали на каждой станции. И это не считая постоянного ТО. Я что-то сильно сомневаюсь, что нынешняя техника обладает большим запасом надежности. Недаром на всех остановках вдоль составов ходят мужички с молотками и постукивают в районе колес. Да и буксы смазывают периодически. Причем есть подозрения, что это только видимая часть обслуживания. А если учесть, что вес бронепоезда несравненно выше, чем у обычного состава, то и шаманить его надо вообще безостановочно.

Вот и получается – что мы имеем? Мощную и грозную боевую единицу, к которой есть экипаж (мои матросики точно разберутся со здешним вооружением). А если что – капитан Васильев им поможет. Но при этом мы оказываемся отрезанными от технических специалистов и необходимого обслуживания. А что нас ждет? О-о-о... Думаю, что ожидает нас просто море незабываемых впечатлений. Сейчас все тихо, потому что немцы не знают о захвате. А вот как до начальства сия весть дойдет, то полетят клочки по закоулочкам! Сдается мне, что германский генералитет предпочел бы, чтобы противники им десять PZ сожгли, чем подобный конфуз. У них ведь не мешок картошки свистнули, у них целый бронепоезд отжали. Над такими вояками даже турки ржать будут. И это залет столь грандиозного масштаба, что известие о случившемся эпичном фэйле обязательно в конечном итоге дойдет до самого кайзера. Тогда полетят головы всего здешнего начальства.

А значит, что местное командование, предчувствуя размеры возможной экзекуции, гонять нас начнет страстно и самозабвенно. Сразу, без раскачки. Задействовав в этом все что можно, включая артиллерию и авиацию. Я даже допускаю применение химии (тем более что сейчас она вовсе не под запретом). Нам же и уйти некуда. Ведь как пел один телевизионный повар: «поезд проедет лишь там, где проложен путь». Поэтому сейчас я чувствовал острый дискомфорт, осознавая себя мужиком, поймавшим медведя. Да и прорезавшаяся интуиция весьма тревожно попискивала, подавая панические сигналы в подкорку. Дескать, начнем просто так прорываться, устраивая стрельбу на станциях, – фиг у нас это получится.

Так... и что же мы можем сделать? Ухватив кончик мысли, я закурил и стал обдумывать постепенно складывающийся план. По мере обдумывания настроение повышалось, а задолбавшая вконец мелодия, про «паровоз до коммуны», неожиданно сменилась на «звенели колеса, летели вагоны». М-да... с железнодорожной тематики соскочить не получилось, хорошо эта хоть не раздражает. Я ее даже машинально насвистывать начал, но был отвлечен Трофимовым, ловко соскочившим с высокого порога броневагона. Заместитель, вытирая руки какой-то тряпкой, хлопнув по серому борту, удовлетворенно констатировал:

– Полна коробочка! И БК, и все остальное... Представляешь, у них даже огнетушители комплектные и полные! Эх, как же я по «железу»[З - Железо – жаргонное название корабля.] соскучился! Вот теперь развернемся!

Покачав головой, я возразил:

– Не развернемся.

И выложил заму все свои опасения. Глядя на унылого командира, Гришка тоже растерялся:

– Так что, все зря? Теперь нам эту красоту подрывать и самим уходить?

Я вздохнул:

– Вообще, у нас есть два варианта. Первый – снять все что можно с этой бронедуры и валить из города. Разумеется, предварительно подорвав БП. И второй вариант – прорываться на нем к своим. Тут же сравнительно недалеко – меньше сотни километров. Но чтобы узнать, есть ли хоть какая-то возможность этого прорыва, мне нужны здешние железнодорожники. Вы же там кого-то из них прихватили? Вот и хорошо. Пойдем, пообщаемся. А потом уже будем решать, что делать.

По пути отдав кое-какие распоряжения, мы двинули в здание вокзала.

Задержанных оказалось четверо. Заместитель начальника станции (или как сейчас говорят – «товарищ начальника»), двое хмурых обходчиков и прилизанный, трясущийся словно осиновый лист билетер. Оставив для беседы начальство, остальных отпустили и приступили к предметному разговору. Зам, мужчина лет сорока в мундире, с рыжеватыми «английскими» усами, вид имел несколько испуганный, но на контакт шел охотно. Он же сразу и указал на главную проблему, которая оказалась даже не только в воде или обслуживании, а в стрелочных переводах. И если они будут переведены куда-то не туда, то нас могут или загнать в тупик, или направить на другие пути. Особенно это актуально для станции Обилово. А так – имея в наличии два немецких паровоза (один бронированный, а второй для тяги вне боя), нам должно хватить ресурсов, экономичным ходом и с опытными машинистами, добраться до своих.

Хотя лично он несколько беспокоится из-за воды. Топлива нам хватит с большим запасом. Но вот водой все-таки очень желательно заправиться где-то километров через пятьдесят. Вернее, окончательно переставший меня бояться Игорь Ильич категорически настаивал на этой заправке. А то выкипит паровоз,

словно чайник, и встанем мы посередине перегона. Еще был поднят вопрос расписания движения составов на этой ветке. Но до утра, насколько он знает, плановых рейсов не ожидалось, а насчет внеплановых сказать невозможно, потому что нет связи.

Так, про воду понятно – будем решать на месте. Но вот стрелки, или как их назвал профессионал – стрелочные переводы, это геморрой... На мой резонный вопрос – кто может быть в курсе, что и куда переводить на всем протяжении пути, Ильич, пожав плечами, ответил, что обычно люди знают лишь свой участок работы.

Охреневая от возникающих одна за другой проблем, я уже было решил плюнуть на все и просто подорвать БП к чертовой матери, как железнодорожник, хлопнув ладонью по лбу, вспомнил про одного здешнего пенсионера – Василия Августовича Комаровского. Тот служил инспектором путей, и когда вышел в отставку, начальство локтем перекрестилось. Перекрестилось из-за того, что Августович, при активной рабочей жизни, был ярым трудоголиком и лез вообще во все дела, отличаясь при этом крайней скрупулезностью и вздорностью характера. Вот он, скорее всего, мог решить наш вопрос. Единственное препятствие, которое может перед нами возникнуть, это, как говорилось выше, возраст и характер пациента. Уточнив адрес, дал указание ребятам доставить сюда (особо уточнил, что со всем вежеством и любовью) заслуженного пенсионера. После чего перешел к решению следующей задачи.

Для моей задумки было необходимо, чтобы вместе с нами уходила половина взвода разведки. Но с имеющейся техникой такого не получится. Лошади тупо не влезут на БП. Поэтому нам были нужны два вагона (те, где сорок человек или восемь лошадей), цистерна и паровоз. Паровоз был необходим, чтобы не перегружать свои, так как чем больше нагрузка, тем больше расход. Ну а цистерна для воды потому, что на станциях нам заправляться будет вовсе не с руки. Для этого планировалось останавливаться на перегоне и использовать ручную помпу, которую думал экспроприировать у здешних пожарных. Когда казарму тушили, я у них три штуки видел. И наверняка в загашнике что-то имеют. Так что огнеборцев совсем уж без инструментов не оставим...

Но дальше разговор прервался, так как через часовых (которые выполняли мое распоряжение пропускать работников железной дороги) прошел еще один носитель мундира. При его появлении зам тут же вскочил, а тот, царственно кивнув, брезгливо отряхнул платочком сиденье стула и, подпернув штанины

форменных брюк, уселся. После чего, окинув нас непонятым взглядом, выдал:

– Здравствуйте, господа. Я начальник станции Дьяково – Геннадий Поликарпович Тучнов. Чем могу быть полезен?

Гриня не утерпел и поправил:

– Не господа, а товарищи. Господ еще в прошлом году отменили!

Тучнов фыркнул:

– Конечно, конечно. Так что же «товарищам» здесь понадобилось?

При слове «товарищи» он так кривил губы, что было понятно – красные ему где-то сильно занозили. Ну, или просто человек имеет с ними столь сильные разногласия, что прямо кушать не может.

Честно говоря, его сексуальные, в смысле политические предпочтения, мне были глубоко по барабану. Главное, чтобы подсобил. А там пусть хоть весь искривится. Тем более что сейчас мы действуем против немцев, и по логике, любой гражданин страны должен стремиться помочь в борьбе с оккупантами. Невзирая на собственные цветовые предпочтения. Но Геннадий Поликарпович, очевидно, считал по-другому, так как на мои запросы он категорично выдал, что ни вагонов, ни паровозов на станции нет. Вот нет и все тут. И угля нет. Может предложить лишь дрова. Правда, они несколько подгнившие, но уж чем богаты...

Его помощник при этом лишь вздыхал, глядя куда-то в сторону. Очевидно, что Тучнов здесь всех держит в ежовых рукавицах, поэтому при нем подчиненные предпочитают помалкивать. Я уже было собрался выставить начальника вон и плотно поговорить с его замом, как распахнулась дверь, а на пороге появился сияющий комиссар. Щурясь в свете керосинок (во дворе уже были густые сумерки), Лапин объявил:

– Нашел! В депо сейчас стоят два паровоза! У одного крышка котла снята, а второй на вид вполне целенький! И теплушки за забором видел. Штук пять.

Я вопросительно посмотрел на Тучнова, но тот лишь бровью повел, лениво пояснив:

– Это подвижной состав, находящийся на плановом ремонте. И паровозы, и вагоны. Поэтому вам было сказано, что ничего нет. Просто не уточняя насчет того, что ремонтируется.

Нутром чувствуя, что этот хмырь в чем-то врет, вежливо поинтересовался:

– Возможно ли как-то ускорить ремонт? Понимаете, нам очень нужны эти вагоны и паровоз. В противном случае шансы перегнать трофейный бронепоезд в расположение наших войск будут исчезающе малы.

Начальник, чуть прищурившись, уточнил:

– Говоря – наших войск, вы имеете в виду красные отряды?

Не став уточнять различие между отрядами и той силой, что Советы собрали под Таганрогом, я кивнул. А Геннадий Поликарпович, вздохнув с фальшивым (это я точно ощутил) сожалением, развел руками:

– Поверьте, всем сердцем желаю вам помочь, но плановый ремонт обычно длится от десяти дней до двух недель. Даже прилагая все силы, быстрее чем за неделю нашим ремонтникам не справиться. Но, насколько я понял, столько времени вы ждать не сможете?

Во дает! Так рискованно и тонко троллить «лапотников» не каждый решится. Ишь ты – подождать. Понимает ведь, гад, что у нас задница горит и каждый час на счету. Но формально повода к придиркам не дает. Ладно... значит, будем воздействовать по-другому. Уныло глядя на собеседника, я согласился:

– Не сможем... – и уже совсем другим тоном обратился к комиссару: – Угольные склады проверили?

Лапин кивнул:

– Да. Нашли один почти полный, так что насчет топлива можно не волноваться.

Все, попался козлина! В принципе, я и не сомневался в наличии нормального топлива на станции. Сюда целый немецкий PZ пригнали, и что, его дровами кормить станут? Ага – сейчас! Поэтому, когда важный начальник ляпнул, что у него нет угля, я внутренне возрадовался, но виду не подал. Зато теперь он у меня на крючке и можно давить саботажника без оглядки.

В общем, когда я после слов комиссара глянул на Тучнова, тот откинулся на спинку стула так, что тот протестующе затрещал. Трофимов же взглядом себя не ограничил и, пойдя красными пятнами, зашипел:

– Только дрова, говоришь? И те гнилые? Да я тебя, сука...

Гришка уже потянулся к пистолету, поэтому пришлось вмешаться:

– Отставить! – И глядя в переносье побледневшему начальнику станции, размеренным тоном я продолжил: – Судя по всему, из опасения, что красные могут применить этот бронепоезд против белых, вы предпочли, чтобы он вообще остался у немцев. Если первое опасение я еще могу понять, то второе желание неприемлемо. Более того – преступно. В военное время это называется «саботаж» и карается без жалости. Поэтому сейчас мы возьмем пленных машинистов и пойдём в депо. Не желают русские своим помогать, значит, помогут немцы! Эти парни очень жить хотят, поэтому будут стараться изо всех сил. И если у них получится завести паровоз, то я лично присобачу тебя к передней тележке, и поедешь ты, как свадебный пупс, до самого Таганрога. По пути нам наверняка предстоят бои, так что не обессудь – что доедет, то доедет! Если паровозы действительно в хлам, займемся чисто вагонами. За каждый найденный целый вагон буду стрелять тебе в ногу. Патроны у меня девять миллиметров, с хорошим останавливающим действием. Поэтому ты вряд ли выдержишь больше двух-трех попаданий. Сдохнешь от болевого шока.

Помощник начальника после этих слов икнул, а я, глядя, как по щеке Тучнова, несмотря на прохладный вечер, одна за другой побежали капли пота, продолжил:

– Есть альтернатива. Ты сейчас выворачиваешься наизнанку, и через три часа мы перед собой видим паровоз с двумя вагонами и цистерной. Тогда я тебя просто отпускаю домой. Твое решение?

Уже вовсе не блестящий, а какой-то внезапно помятый Геннадий Поликарпович молитвенно сложил руки:

– Позвольте, но у нас действительно нет цистерн! Совершенно!

Покладисто кивнув, я откорректировал:

– Тогда две платформы, на которые нагрузят бочки с водой. Платформы блиндировать шпалами, чтобы нам бочки пулями не пробili. И еще – тот паровоз, что в депо, он на ходу? И теплушки нормальные?

Начальник потерянно кивнул, поясняя:

– Овечка[4 - Овечка – паровоз серии Ов.] действительно была в ремонте. Только завтра должна выходить на ходовые испытания... Ну и в вагонах необходимо смазку поменять. – Тут он вскинул на меня начавшие косить глаза и практически завопил: – Но ведь для подготовки всего этого нужны люди! Специалисты! Да и бочки... У нас же не бондарная мастерская!

Я согласился:

– Конечно. Вот вы и соберете нужных людей и необходимые материалы. В помощь вам определят конвой, а у вас будет целых три часа для сдачи работ. И мой вам совет – не теряйте времени!

Тучнов после моих слов подскочил и ломанулся было на выход, так что пришлось придержать внезапно воспылавшего трудовым энтузиазмом начальника. Как и обещалось – к нему был приставлен конвой в составе половины отделения. И чтобы сам Геннадий внезапно не растворился в ночной тьме, и чтобы вопросы ему помогали решать, если кто-то где-то заартачится. Помощник, что характерно, не бросил шефа в беде, а удалился вместе с ним.

Трофимов же лишь сплюнул вслед поблекшему повелителю семафоров и, закуривая, с чувством сказал:

– Чур, но ведь это же враг! А ты его отпустить пообещал. Как же так? Такого же не переделать. Он до конца своих дней нам гадить будет. Шлепнуть гада, и вся

недолга!

Я вздохнул:

– Согласен – враг. Но как сказал один умный человек: враг со временем может стать другом. Или враги будут мешать друг другу. А мертвец, он бесполезен...

Гриня от неожиданности закашлялся и, сморщив лицо, произнес:

– Вот ты иногда как скажешь... Но спорить готов – этот господинчик точно другом не станет... – После чего, задумчиво затягиваясь, продолжил: – Интересно, на что он вообще рассчитывал, когда нам про паровозы и уголь туры на колесах разводил?

Вместо меня ответил комиссар:

– На нашу лень и некомпетентность. Тут ведь рядом два склада почти пустыми стояли. Так – только дров немного. А который с углем, он самый дальний отсюда. Мы пока до него через рельсы топали, чуть ноги в сумерках не переломали. Поленились – ничего бы и не нашли. Ну и еще начальник не учел, что немецких машинистов для проверки транспорта задействуем. Мы-то сами в паровозах ни бум-бум, поэтому он смело говорил, что они не в порядке. Как проверить? Только если искать местных рабочих-ремонтников. А где их искать, когда уже ночь во дворе? Кто нам их адрес подскажет? И если даже подскажет – пока их еще найдем... Да вроде и смысла не было Тучнову нам врать. Так что для себя этот человек все правильно рассчитал.

Гришка припечатал:

– Гнида он! Командир, может, все-таки к стенке контру?

Я отрицательно качнул головой:

– Не выйдет. Ему жизнь обещана, если ко времени управится. Да и вообще – расстрел гражданских без суда и следствия очень сильно скажется на нашем имидже.

– На чем?!

Сделав значимое лицо, я поднял палец и учительским тоном произнес:

– Образно говоря – светлый облик пламенного революционного бойца от этого сильно пострадает. Сейчас мы кто? Правильно – беззаветные борцы за дело революции и люди, воюющие с немецко-фа... э-э-э... с немецкими оккупантами. Вот народ к нам и тянется. Даже те, кто до этого колебался. А начни мы расстреливать налево-направо, потеряем их поддержку. Понял?

Трофимов на какое-то время задумался, а потом неожиданно выкатил претензию:

– Знаешь, Чур, когда ты начинаешь говорить, словно комиссар, про «беззаветных бойцов» или «светлый облик», нутром чую, что ехидничаешь. У него это от души получается, а ты явно что-то другое имеешь в виду.

Я отмахнулся:

– Просто пафоса не люблю, поэтому и ерничаю. А насчет «к стенке», объясняю на пальцах – если мы начнем стрелять всех, кто нам не нравится, то в глазах людей ничем не будем отличаться от бандитов. Невзирая ни на какие лозунги. А это тупо обидно. Да и чревато нехорошими последствиями. Поэтому надо придерживаться правил. Все-таки мы государственные люди, а не романтики, мля, с большой дороги...

Гриня ехидно оскалился:

– Да? А как же «пастушок», про которого ты рассказывал? Да и этого контру тоже обещал к паровозу привязать. Он ведь чуть не обделался. У тебя настолько суровый вид был, что я и сам в это поверил.

– Ты теплое с мягким не путай. «Пастушок» – это суровая военная необходимость, от которой зависит выполнение задачи и жизнь всего отряда. А запугивание при нежелании сотрудничать является нормальной практикой. Тем более что его заместитель все видел и слышал. А когда завтра увидит целенького начальника, то выводы свои сделает. И другим расскажет, что мы

даже явного саботажника не кокнули, а отпустили живым и здоровым.

В этот момент за дверями послышался шум голосов, и вошедшие в помещение взводные автоматически прекратили нашу беседу. Ну а когда все разместились, я стал выкладывать свои мысли о будущей операции. Изначально задумка была такая – батальон разделяется. С бронепоездом уходит не более пятнадцати-двадцати человек в самом БП и половина взвода разведчиков. Разведку думал задействовать в проверенном деле – валить телеграфные столбы. А двадцать человек чисто для того, чтобы можно было отбить попытку захвата бронепоезда какой-нибудь шальной группой противника. Говорю про шальную группу потому, что если мы влетим не случайно, а засада будет подготовлена, то всего батальона не хватит, чтобы отбиться. Тогда останется лишь подорвать боезапас (саперы должны заложить взрывчатку прямо сейчас, так чтобы оставалось лишь поджечь огнепроводные шнуры) и попытаться валить на своих двоих.

Уже на этом этапе начались корректировки. Ранее я дал распоряжение обыскать трупы тех немцев, которые легли при прорыве из горячей казармы. Там штук пять было в характерных кожаных куртках, и я вполне резонно посчитал, что это командный состав PZ-12. Как выяснилось – не ошибся, и мне притащили документы с планшеткой. Пользуясь тем, что народ начал между собой спорить относительно плана, я занялся быстрой проверкой бумаг. Особо порадовала карта с отметкой конечного пункта и приказ, где было сказано, что завтра, к двенадцати часам дня, гауптман Фольге (командир бронепоезда) должен прибыть в распоряжение оберста Герста. То есть времени у меня было даже несколько больше, чем рассчитывалось.

Но когда я говорил, что смотрел бумаги, это не значит, что выпал из процесса обсуждения. Нет, слушал, вставлял реплики, и потихоньку стало вырисовываться нечто более-менее удобоваримое. Наглое, нахальное, но вполне в духе моих сорвиголов. А главное, что при этом интуиция перестала подавать панические сигналы. Не было ощущения, как тогда на территории красновцев – двинем степью, там и останемся. Нет. Лишь легкое беспокойство, не более того, что ощущалось при взятии Дьяково.

В общем, решили – все, кто пойдет с БП, будут во вражеской форме. Второе – Бергер в обязательном порядке едет с нами, так как знает язык противника в совершенстве. Барона будем использовать для общения с фрицами. Остальные (это отделение автоматчиков, два грамотных пулеметчика Михайловского, пара саперов и трое морпехов, которые в свою бытность были комендорами на

корабле) будут сидеть внутри и не высовываться. Разве что пара автоматчиков нужна для контроля немецких машинистов. Но они тоже из кабины выходить не будут.

Ну а разведчики вовсе не понадобятся, так как проскочить необходимые километры мы собирались быстро и тихо. Не нарушая спокойное течение жизни обрывами связи. При этом заправку водой планировали вполне официально получить на одной из станций. Документы-то у нас на руках, а то, что идем без расписания, так это внезапная служебная необходимость.

А весь остальной батальон временно переходит под командование Михайловского. Просто Трофимов так орал и пучил глаза, что я даже не особо возражал, когда он собрался ехать со мной. Не возражал в основном потому, что у Гришки шило в заднице, и десять дней (срок ожидания нас в той балке, где мы до этого останавливались) он не выдержит. Обязательно куда-нибудь влезет.

Михайловский же парень дисциплинированный и на пару с комиссаром сделают все, как надо. В общем, решили, что батальон, забрав добытые на складах ништяки, уйдет к точке ожидания. Также решили, что Виктор прямо сейчас заменит часть наших пулеметов на трофейные, сняв их с БП. Тогда и с патронами вопрос отпадет. Все менять не стоило, так как по возвращении к нашим, где мы для MG-08 боеприпасы искать будем? Там и русские патроны дефицит, а уж немецкие... Еще я хотел, чтобы один «пом-пом» забрал себе Васильев. Да, тяжелый. Да, неудобный. Но поставим его на грузовик и с этой хреновиной нам никакой «железный капут» не страшен.

Пленных решили взять с собой. Их-то и было человек тридцать. В основном – кладовщики, недобитая часть перегонной команды да жалкие остатки гарнизона. В расход пускать фрицев вроде не с руки, а так – свяжем и, заткнув рты, упакуем в артвагон. За три-четыре часа (столько займет дорога по моим оптимистическим прикидкам) с ними ничего не случится.

Тут может возникнуть вопрос – а какого хрена командир бросает свое подразделение и сам отправляется вояжировать? Хм... здесь, скорее, политическая необходимость. Понимаю, что так поступать неправильно, но Седой при каждой встрече настойчиво говорил, что я должен как можно быстрее делать себе имя. Такое, блин, чтобы народ песни слагать начал. И если у меня это получится, то в дальнейшем работать станет проще. Несравненно проще, так как самые разнообразные партийные члены да прочие деятели революции

десять раз подумают, прежде чем начнут катить бочку на прославленного героя войны.

А катить начнут обязательно, потому что в низах остаться у меня не выйдет, а наверху грызут друг друга чище скорпионов. Жилин аж, по-моему, опять сесть начал, от безостановочных разборок между соратниками. Поэтому и надо сделать так, чтобы ни у кого из этих хмырей не возникало вопросов типа «ты кто вообще такой?».

Вот исходя из этих соображений, я и должен присутствовать при передаче бронепоезда красным. Ради такого дела наверняка и фотографы будут, и кинохроника. Про газетчиков, вообще, молчу. Так что обязательно надо лично лицом на публике поторговать. Ведь одно дело, когда сообщат: «батальоном товарища Чура был захвачен и переправлен советскому командованию кайзеровский бронепоезд», и совсем по-другому звучит: «товарищ Чур, со своими героическими морскими пехотинцами, привел захваченный германский бронепоезд в распоряжение наших войск». Вот вроде одно и то же, да не то.

Ну и не менее важное – как я уже говорил, люди сейчас настроены так, что личная храбрость ценится даже выше общей военной грамотности. Поэтому необходимо соответствовать чаяниям. Ведь ни у кого из моих ребят во время обсуждения даже не возникло вопроса: куда ты прешь, командир? Наоборот, если дело опасное, то командир на лихом коне должен воодушевлять людей примером! А если бы я сейчас не планировал ехать, то и смотреть стали бы подозрительно – не струсил ли комбат? Иди потом доказывай, что ты не верблюду...

В общем, план был принят к исполнению, и все занялись делом. Пока Михайловский со товарищи чуть не с урчанием меняли свое вооружение, я объяснял безлошадному шофферу, как водить мотоцикл. Не хотелось бросать столь замечательное средство передвижения только из-за того, что им рулить кроме меня никто не умеет. Тем более что горючего хватало. Техники на станции больше не обнаружилось (кроме трех велосипедов), а вот горючее нашли. Так что и мотик, и грузовик у нас еще долго кататься смогут.

В самый разгар обучения, когда я уже стал подумывать, что запрячь лошадь к байку будет наиболее верным решением, в гомон окружающей суеты ворвался скрипучий голос:

– Хватит меня подгонять, пся крив! Я и так быстро двигаюсь!

Оглянувшись, увидел, как с нашей подъехавшей пролетки соскакивают два бойца и чуть не под руки выводят какого-то старикана с шикарной раздвоенной бородой. Бородач, ступив на землю, царственным движением отмахнулся от сопровождающих и, глядя на Лапина (который в этот момент выглядел наиболее представительно), спросил:

– Это к вам меня должны были доставить вон те нетерпеливые сопляки?

Я, отряхнув руки, шагнул вперед и, четко козырнув, представился:

– Командир подразделения Красной Армии – Чур. А вы, судя по всему, Василий Августович Комаровский?

Дед, окинув меня изучающим взглядом, подтвердил:

– Вы не ошиблись. – После чего решил уточнить: – Красная Армия, сиречь армия России? Или это название какого-то уездного формирования?

Улыбнувшись, ответил:

– Никак нет. Не уездное. Мы являемся боевым подразделением Российской Советской Социалистической Республики. Той самой, которая от Малороссии до Дальнего Востока[5 - Если что – независимость Польши была признана Временным правительством 16 марта 1917 года. Поэтому Чур, чтящий законы реальности, сказал не про Польшу, а про Малороссию.].

Комаровский задумчиво пожевал губами, пробурчав:

– И вот приспичило же этим идиотам во время войны разгонять одну армию, чтобы после набирать другую...

А потом, уставившись на громаду бронепоезда, одобрительно хмыкнул и продолжил:

– Хм... видя этот новенький немецкий БП и вас возле него, я, кажется, догадываюсь, зачем меня выдернули из постели. В связи с этим, господа, возникает вопрос – куда именно вы хотите перегнать сей бронепоезд? Надеюсь, в ваших военных головах не возникло желания кататься на нем у немцев в тылу? Сразу скажу – это глупость. И продлится она максимум пару дней. А может, и лишь до завтра.

Понизив голос, я ответил:

– Что вы, какой тыл? Нам надо его перегнать в Таганрог. Там сейчас находится основной центр сопротивления оккупантам на юге России.

Старик привычным движением впустил бороду и, машинально одернув китель, замолчал секунд на тридцать. При этом что-то соображая, шевелил губами и загибал пальцы. Мы, так же застыв, молча смотрели на него. В конце концов он очнулся:

– Ну что же, господа. В принципе, ничего невыполнимого нет. Но придется ехать не на прямую, а после Дмитриевки уйти на северную ветку. Просто следующая за Дмитриевкой станция – Обилово. Довольно крупный узел, почти как у нас. И начальник там полнейший негодяй. Настолько, что может и немцев кликнуть. Кстати, вы со здешним начальником еще дел не имели? А то смотрю – вон он стоит, весь поблекший... О! И Игорь вместе с ним. Но вы, господа, зря Игоря Ильича в ту гнусную компанию определили. Вполне достойный молодой человек. Кстати, он мне нужен будет. Нам с ним необходимо кое-какие вопросы обсудить.

Тучнов, которого уже сняли с забега, действительно стоял под конвоем в конце перрона. И вид имел довольно бледный. Ну да, после произошедших перипетий хорошо еще, что штаны сухими оставил. А теперь, небось, гадают, чем же для него все закончится. Надо, кстати, сказать, чтобы пара человек этого типа до утра из-под контроля не выпускали. А то фиг его знает – рванет еще на лошади к соседней станции, немчуру предупредить. Дав распоряжение относительно начальника, я также сказал привести к нам его зама.

Пока ждали, искоса глянул на Трофимова. Вот интересно – когда к нам здешний чин обратился «господа», Гриня сразу взвился. А когда дед нас так называл, повел себя, будто ничего не происходит. Даже не морщился. И меня не может не радовать тот факт, что отмороженный революционный матрос в нужных

ситуациях умеет держать себя в руках.

А дело тем временем двигалось, и к часу ночи все было готово к выезду. Собраны и проинструктированы люди. Комиссар сказал речь. Похлопали друг друга по плечам. Магомед, рвавшийся прокатиться на бронированном поезде, был остановлен фразой про контроль распределения командирской «долы». Приводимые до этого аргументы на него не действовали. Зато этот сработал безотказно.

Правда, неожиданностью стало то, что Комаровский возжелал ехать с нами. Оказывается, он уже успел смотаться домой, собрал в саквояж необходимые вещи, предупредил соседей и был на старте. Мы ему пытались объяснить, что у нас есть документы и что на станциях нас направят, куда нужно. Поэтому его помощь вроде как уже и не нужна. Но старик был непреклонен. Заявив, что на железной дороге он всех знает и что все его знают, поэтому лишним присутствие точно не будет.

Тем более что его жена, как уехала месяц назад к сестре, проживающей в Ростове, так там и застряла. Поэтому надо собственноручно возвращать заблудшую супругу домой. А подвернувшийся в виде нас удобный случай упускать было бы глупо. На наши слова об опасности Августович лишь хмыкнул, сказав, что пока он с нами, российские сотрудники железной дороги окажут нам всяческую поддержку, даже вопреки указаниям немцев. А если начальники побоятся помогать, то это всегда сделают простые работники. Что будет ничуть не хуже, так как именно от рабочих «на земле» все и зависит.

И вот, в час десять, лязгнув сцепками, бронепоезд двинулся на восток. Через сорок километров будет Дмитриевка. Там заправимся водой, после чего рванем уже без особых остановок. Их будем делать лишь для того, чтобы показать документы и предупредить о литере. Да... надо было видеть глаза Трофимова, когда под руководством Комаровского я печатал дополнения к трофейным бумагам, аргументирующим наше движение вне графика. Точнее говоря, те, что на русском, печатал я, а вот для немецких документов понадобилась помощь Берга. Источником печатей и штампов при этом служила захваченная документация.

Вот Гриня и стал глаза таращить, когда я затребовал сырые яйца, кастрюлю с водой и примус. Просто человек до этого не подозревал, что яйцо можно не только сожрать или весело биться им на Пасху. Открыв рот, он наблюдал, как я лихо, меняя яйца, перевожу штампы и печати с оригиналов на нашу «липу». А когда все было закончено, придирчиво осмотрел результат и вынес вердикт:

– Якорь мне в клюз! [6 - Солдаты и матросы матом не ругаются. Они на нем разговаривают. Чтобы не засорять книгу обценной лексикой, маты не пишу. Просто каждый может подставлять их в любую фразу по мере надобности.] Они же как настоящие выглядят! – И заинтересованно уточнил: – Так это что – любой так может сделать? И откуда ты это знаешь? Или с подполья навыки остались?

Я пожал плечами:

– Может, и с подполья. А сделать, как видишь, может любой, только все зависит от размеров печати. Вон, та же российская гербовая, она ведь здоровенная и никакого яйца не хватит, чтобы ее откатать. Разве что страусиное искать... Ну и многое зависит от давности пропечатки. Вот тут оттиски – свеженькие и жирные. А были бы давнишние, то яйцо не подошло. В случае со старыми печатями нужно сырую картошку и уксус использовать. Но там минус есть – запах уксуса остается...

Трофимов с большим уважением посмотрел на командира, произнес лишь одно слово:

– Очешуешь...

При этом в его интонации явственно чувствовался коронный вопрос Жоржа Милославского: «Вы и в магазине так же стену приподнять сможете?»

Тогда я лишь улыбнулся, хлопнув зама по плечу. Они у меня и так оторвы, поэтому учить народ еще и мошенническим приемам я пока не собирался. В будущем – скорее всего. Для работы за линией фронта никакое умение лишним не станет. Но не сейчас.

От воспоминаний меня отвлек довольный голос зама:

– А хорошо идем! Тьфу-тьфу! Узлов двадцать делаем, не меньше!

Интересно, как он скорость определил? Ведь за заслонками амбразур лишь тьму видно. Но спрашивать не стал, погрузившись в раздумья.

Шустрый старикан Комаровский (и чего говорили, что у него характер не тот? Нормальный у деда характер) предположил, что на линии боевого соприкосновения немцев и красных на рельсах может быть завал. Или просто пара рельсов снята. Он слышал, что на западе так делали, опасаясь прорыва вражеских войск и десанта прямо с колес. До этого никаких завалов я не видел, но его предположение показалось вполне логичным. Да и взводные мои подтвердили, что это вполне возможный вариант.

И вот я думаю, что немцы точно рельсы снимать не будут. Им же бояться особо нечего, да и бронепоезд завтра ожидается. Так что даже если что-то и сняли, то уже восстановили (для работы своего PZ12). Значит, завал может быть лишь со стороны красных. И что делать в этом случае – хз... Одна надежда, что путь завалят не на линии окопов (чтобы зазря не попадать под вражеский огонь), а чуть дальше, в тылу. Пусть даже в километре. Тогда можно быстро раскидать завал и, пока враг не очухался, свалить дальше.

Да у меня вообще весь план строится с надеждой на ночь. Коменданты ведь тоже люди и в это время спят. То есть на станциях ночью будут присутствовать лишь дежурные. Скорее всего – унтера. А Берг у нас целый гауптман, с пакетом документов. Так что тут заморочек быть не должно. Конечный пункт назначения – Новогарьевка, где нас ожидает оберст Герст, находится где-то в пятнадцати-двадцати километрах от позиций красных. Ну, это, если линии окопов красных никуда не сдвинулись за время моего отсутствия. В чем я сомневаюсь, так как фрицы скорее всего и ожидали бронепоезд, чтобы начать наступление.

И дальнейшее мне видится так – часа в три ночи мы проскакиваем Новогарьевку. Там путь один и стрелок на выезде нет. Что делает дежурный? Он сообщает коменданту, что PZ12, вместо того чтобы остановиться, резво учухал куда-то на юго-восток. Комендант чешет репу, не понимая столь странных действий камрадов, и выходит на командование. Командование просыпается, врубается, после резонно интересуется – что вообще происходит и почему они ездят ночью? Но потом снимает неактуальный вопрос и дает распоряжение, чтобы передовые части, находящиеся возле железки, как-то предупредили команду бронепоезда, что эти олухи поехали не туда. То есть выслали людей с фонарями.

Сколько на эти движняки времени уйдет? Ну никак не менее двадцати минут (это при наличии между всеми заинтересованными лицами телефонной связи). Если курьерами, то еще дольше. А к этому времени мы уже будем подъезжать к нашим позициям, и за бортом только-только начнет брезжить рассвет.

Да, блин, даже если наши там и сделали завал, то у нас вполне хватит времени его разобрать самостоятельно! И никто нам помешать просто не успеет! Главное, на промежуточных остановках не накосячить. А так как Берг в этом вопросе будет являться главным действующим лицом, то надо еще раз поговорить с парнем и обсудить детали. Да и вообще поговорить. Благо время есть.

Я встал, поправил мышинового цвета мундир и, тронув за плечо напряженно кусавшего губу Евгения, кивком показал ему в дальний конец вагона. Дескать – пойдём, пройдемся...

Глава 2

Берг несколько удивил. До этого он сидел и имел такой вид, будто напряженно обдумывает детали поведения при встрече с представителями немецкой администрации. Во всяком случае, лично меня напрягал именно этот момент, поэтому и считал, что будущий напарник озабочен тем же самым. Но как оказалось, барона волновало несколько другое. Когда мы с ним остановились, он даже рот мне открыть не дал, сразу наехав. Волнуясь и нервно дергая подбородком (прямо как контрразведчик Овечкин в «Неуловимых»), поручик заявил:

– Гос... товарищ Чур, я после вашего инструктажа подумал и пришел к выводу, что вы мне не доверяете. Только вот никак не могу определиться – это недоверие как к бывшему офицеру Российской армии или как к немцу по крови?

Несколько опешив, я почесал затылок и с теми же интонациями, с какими обращался к Грине, когда тот косячил, протянул:

– Евгений Генрихович... – После чего перейдя на нормальный тон продолжил: – Как же я могу вам доверять, если я вас практически совсем не знаю? Но это недоверие вовсе не того рода, о котором вы тут нафантазировали. И как офицер по духу и как немец по крови вы себя уже проявили за три года войны. Хорошо проявили – награды просто так не дают. Так что я вовсе не опасаясь, что ты бросишься на шею первому же немецкому солдату с криком: «Камрад, спаси меня от красных варваров!»

Берг, хмуро ухмыльнувшись, решил уточнить:

– Тогда почему вы собираетесь постоянно сопровождать меня при демонстрации документов? Если не опасаетесь того, что я решусь на предательство?

Я пожал плечами:

– Именно потому, что не знаю, как ты будешь вести себя в критической ситуации. Вдруг произойдет что-то, от чего ты растеряешься, или еще как накосячишь? Это ведь не минутный прием доклада у фельдфебеля из перегонной команды. Тут куча нюансов в поведении может быть, о которых ты просто не догадываешься. И у немцев эти несоответствия вызовут подозрения. Тогда надо будет наглухо валить всех окружающих, ломать телеграфный аппарат и прорываться обратно на броню. В одиночку этого может не получиться. Вот поэтому и иду с тобой. И как человек, немного знающий язык, и как боец. Так что, барон, не множь сущностей сверх необходимого...

Евгений пару секунд переваривал сказанное. И было видно, что человека отпускает. Во всяком случае, из взгляда ушло унылое недоумение, а сам поручик уже гораздо более бодрым тоном спросил:

– А у вас что – большой опыт поведения в этих самых ситуациях? Просто вы настолько уверенно говорите, будто каждый день, стоя с противником лицом к лицу, выдаете себя за другого...

Ухмыльнувшись, я ответил:

– Евгений, вот ты наверняка уже пообщался с Михайловским. Дорога до Дьяково была длинная, и я уверен, что взводный поделился с тобой не только личными и семейными новостями. Меня вы тоже в беседе зацепили. Значит, ты должен

быть в курсе о потере памяти. Ну а теперь включи мозги и подумай – перед тобой опытный подпольщик. Как считаешь – общаясь с жандармами, полицией и прочими представителями репрессивного аппарата, как я себя чувствовал? Да, я этого не помню, но инстинкты... – я поднял палец, – инстинкты и навыки остались. Наверное, поэтому голову сильными опасениями не забиваю. Так что – выше нос, боец! Прорвемся! Наглость, она города берет!

Берг фыркнул:

– Кажется, в первоисточнике говорилось про смелость?

– А что есть смелость без здоровой доли наглости? Так – просто готовность к самопожертвованию. Но вот вместе с наглостью...

Поручик задумчиво почесал щеку и, как-то отойдя от темы, неуверенно сказал:

– Знаете, Чур, честно говоря, вы как-то совершенно не походите на революционера. Ни манерой поведения, ни словами, ни поступками...

Я удивился:

– А ты что, их так много видел, чтобы сравнивать?

Собеседник посуровел:

– Достаточно, чтобы понять, что тот же Тучнов был бы ими повешен. Что они вряд ли будут знать такие слова, как «критическая ситуация». И попавшихся в руки «офицеров» они бы сразу пустили в расход, а не приняли в свой отряд. Да и вообще...

Отмахнувшись, я лишь хмыкнул:

– Это ты, небось, местечковых революционеров наблюдал. Там же совсем разные люди встречаются. И пролетарии от сохи, которых все достало и у которых свое представление о справедливости. И авантюристы, чувствующие себя сейчас как рыба в воде. Да и просто дорвавшиеся до власти бывшие мелкие служащие, умеющие красиво говорить. Вот последние самые страшные, потому что идей у

них море, а удержу они не ведают. Себя при этом считают пупом земли, поэтому любое слово поперек затыкают пулей.

Тут я вовсе не врал. Наибольшие зверства творили как раз не «лапотники» или заводчане, а вот такие серые мышки, в прошлой жизни ничем особо не выдающиеся. Работающие клерками или приказчиками за небольшую копеечку и живущие в основном на деньги родителей. Им совершенно не нравилась окружающая действительность, но, честно говоря, вовсе не из-за угнетенного народа. Плевать они на него хотели. Мышек сильно задевало, что им, столь ярким и самобытным, для того, чтобы хоть чего-то добиться, приходилось пахать на обрыдлой работе. А ведь они видели тех, кому все жизненные блага доставались без всяких усилий. Разные там купцы, спесивая аристократия и даже владелец лавки или начальник конторского стола, в которой вынуждена была прозябать «яркая» личность. Виноват во всем, разумеется, был прогнивший царский режим. Поэтому в частых тесных междусобойчиках они все являлись ярыми карбонариями, а наиболее смелые имели даже приводы в полицию (откуда после больших хлопот их извлекали родственники).

Но вдруг грянула революция. И вот такой «мальчонка, тридцати неполных лет» почувствовал, что пришло его время. Читать-писать он умеет. Язык подвешен хорошо. Идеи революции поддерживает всем сердцем. Даже кружки революционные посещал. Кому как не ему доверить пусть и небольшую, но власть на местах? И наступил пипец... Просто недовольных он стрелял походя. Зато тех, кому когда-то завидовал в прошлой жизни... О-о... Накачанное кокаином балтийские матросы, по сравнению с его извращенными фантазиями в деле уничтожения «контриков», просто щенки. Разумеется, так случилось не везде. Но случилось...

Евгений же, пользуясь затянувшейся паузой, взглянув в глаза, прямо спросил:

– А вы, значит, не «местечковый»?

Было понятно, что именно он имел в виду, но сейчас просто времени не оставалось для серьезного разговора. Поэтому, растянув губы в улыбке, шутливо протянул:

– Не-е... у меня даже документ об этом есть. Во – гляди!

И достав из кармана бумагу, протянул для ознакомления свой самый первый в этом мире мандат. В другом кармане лежала корочка помощника председателя ВЦИК с красной сафьяновой обложкой. Но ею я пользовался довольно редко. Зато мандатом, в который из хулиганских побуждений мною было дописано «по России» – постоянно. И теперь с удовольствием наблюдал, как расширяются баронские глаза. Вначале он с недоумением разглядывал пулевую дырку и темные потеки по низу листа. А потом прочел, что товарищ Чур является уполномоченным агитатором по России, и охренел от масштаба. Судя по всему, человек еще не встречал столь непонятных фигур с не менее непонятными полномочиями. А я добавил маслица в огонь:

– Вот видишь? Ни о какой местечковости речи и не идет. Должность у меня – исключительно в масштабах всей страны. А командир рейдового батальона, это так – каприз художника.

Барон потрянул головой и, неуверенно улыбаясь, уточнил:

– Эту бумагу вы тоже сами сделали? Как давеча – немецкие документы?

– Обижаешь! Чин по чину официально выданный мандат. С занесением в журнал учета.

Собеседник еще раз всмотрелся в лист:

– А кровь?

Я успокоил:

– Не... не моя. Это как раз-таки местных революционеров. Плохо себя вели, скандалили, подозревали невесть в чем. Пришлось шлепнуть «несгибаемых борцов» прямо во время проверки документа. Вот они его и испачкали.

Барон, открыв рот, смотрел на меня, не зная верить или не верить. Видно, Михайловский ему далеко не все про комбата успел рассказать. Поэтому «фон» и завис.

Из ступора его вывел вовремя появившийся Трофимов. Сосредоточенный Гриня, найдя нас возле пулеметной площадки, объявил:

– Братва на местах. Пленные под контролем. Минут через десять подойдем к Дмитриевке. Вы как – готовы?

Я кивнул:

– Вполне. Ты главное смотри, чтобы никто не накосячил. И еще – немецкие фразы, что я давал, все выучили?

Заместитель, обряженный в немецкую форму, вытянулся:

– Яволь, херр лейтнант!

– Угу... хорошо. Как будет – «стой»?

– Хальт!

– А «назад»?

– Цурюк!

Еще раз кивнув, напомнил:

– За машинистами чтобы пригляд непрерывный был. Мы их, конечно, запугали, ободрили, приставили автоматчика, но все равно...

Вошедший в раж Гришка опять вытянулся:

– Цу бефель, херр лейтнант!

Хлопнув по плечу поймавшего кураж Трофимова, я повернулся к Бергу:

– Ну что, герр гауптман? Готов? Уточняю твое внутреннее состояние – ты рассчитывал провести спокойную ночь в Дьяково. С застольем у коменданта. Но

переданный нарочным приказ с корнем вырвал тебя из-за стола и заставил, собрав личный состав, выдвинуться ночью. У русских железнодорожников что-то случилось со связью, поэтому у коменданта не было возможности сообщить на другие станции о срочном выезде. Поэтому ты вынужден сделать это лично. От всего этого у тебя легкое раздражение и мигрень. Вот отсюда и пляши...

Евгений улыбнулся и опустил голову. А когда поднял, это был уже несколько другой человек. Вот типичный фриц, невзирая на общую брюнетистость. Морщась и потирая двумя пальцами висок, он выдал по-немецки:

– Господин лейтенант, говорите тише. У меня и так болит голова, а тут еще и предстоящие разговоры с комендантом Дмитриевки заранее вызывают повышенное раздражение...

Я, щелкнув каблуками, коротко кивнул, отвечая на том же языке:

– Понимаю ваше состояние, господин гауптман.

Гриня, глядя на нас веселыми глазами, констатировал:

– Как есть – германцы! Обоих бы недогнущей рукой стрельнул!

А барон, саркастично ухмыльнувшись и обращаясь ко мне, добавил:

– Только вы все-таки старайтесь побольше молчать, а то произношение у вас лишь немногим лучше, чем у ваших товарищей.

Машинально поправив «у наших товарищей», я на секунду задумался о том, как можно скрыть свой рязанский говор? А потом решительно полез в планшетку и, достав оттуда блокнот, вырвал один листик. После чего, сунув его в рот, пожевал и поместил получившийся комочек за щеку. Щупая образовавшуюся припухлость, пояснил:

– Вот так. Я маюсь зубом, но гадский гауптман не в ладах со своим лейтенантом и поэтому не дает ему спокойно поболеть. А ты, Евгений, внеси корректировки в поведение. И поглядывая на меня, добавь спеси и пренебрежения в командирский взор.

В этот момент бронепоезд стал ощутимо тормозить, и я, одергивая китель, прошепелявил:

- Ну фто, народ? Офетинились!

* * *

Как и предполагалось, комендант, как и любой уважающий себя человек, ночью спал. Причем спал не на станции, словно лишенец, а во вполне комфортабельном доме, где-то в центре Дмитриевки. Ну а ночью его замещал дежурный унтер-офицер. При этом они, на пару с дежурным телеграфистом, баловались какими-то спиртосодержащими жидкостями. Во всяком случае, от суетливо выскочившего на перрон унтера чувствовалось легкое амбре. И от связиста, к которому мы подошли уже все вместе, шел тот же духан. Похоже, служивые винишком пробавлялись. Но нам это было лишь на руку, так как никаких вопросов от дежурного не последовало. Он лишь, прочтя приказ, тут же развил бурную деятельность. Вызвав подчиненного, отдал приказ о заправке неожиданно прибывшего БП. После чего мы все двинули к телеграфисту.

Стоя в помещении связи, я краем уха слушал, как Женька негромко и лениво выговаривает дежурному за нарушение устава (пьянку на рабочем месте), а сам через окно с интересом наблюдал пополнение водой нашего транспорта. До этого, сколько ездил, как-то внимание на сие действие не обращал. Думал, что просто подгоняют паровоз к паровозной колонке и открывают кран. Но оказывается, были и вариации. Во всяком случае, сейчас все выглядело совсем по-другому. Подъехала большая телега, влекомая парой лошадей. Внутри телеги было установлено что-то типа здоровенной пожарной бочки. После чего два мужика, расправив брезентовые шланги, принялись ручной помпой перекачивать воду из емкости в паровоз.

К слову сказать, делалось все довольно быстро. И когда вышли из здания вокзала, самоходная бочка уже успела зайти на второй круг. Пока она опорожнялась, мы закурили, поглядывая по сторонам, и в этот момент вдруг опять нарисовался дежурный унтер. Я было напрягся, но вокруг все оставались спокойными. И часовой на входе, и патрульные, уходящие за здание вокзала. Да и у рысящего к нам немца физиономия была не взволнованная, а самая что ни на есть деловая. Подбежав, он, козырнул, докладывая:

– Господин гаутман! Сообщение для вас, со станции Обилово. Вот!

И протянул барону ленту телеграфного послания. Тот прочел, кивнул и, сунув ее в карман, коротко расписался в журнале, после чего направился к открытой двери броневана. А когда мы оказались внутри, возбужденно сунул сообщение мне, со словами:

– Черт возьми. Что это значит и что теперь делать?

Послание было коротким и ничего особенного в нем не было. Там лишь говорилось, что в Обилово гауптмана Фольге будет ожидать обер-лейтенант Тарген. Я озадаченно почесал затылок, разглядывая непонятную писульку, а паровоз тем временем, дав гудок, дернул состав, и мы начали набирать скорость. Почти тут же нарисовался довольный как слон Трофимов. Но глядя на нас, улыбка у него сползла, и Гриня недоуменно поинтересовался:

– Эй! Что-то случилось? Вроде ведь нормально все прошло? Вы чего как в воду опущенные?

Пожав плечами, я тряхнул у него перед носом лентой:

– Да непонятная хрень приключилась. В Обилово нас ждет какой-то обер-лейтенант. Зачем ждет и почему – неясно.

Зам моментально сгенерировал решение:

– Хрен бы на него, на этого лейтенанта. Пройдем без остановки и все дела!

Берг возразил:

– Если этот Тарген ночью не спит и для чего-то нас ожидает, он вряд ли уgomонится в случае нашего проезда мимо. Тут же побежит докладывать в Новогарьевку. А там штаб дивизии. И войск – не один комендантский взвод. Вдруг он своим докладом всех там переполошит?

Я же напряженно думал. Хотя чего тут думать, при полном отсутствии информации? Есть только голимый факт – менее чем через час встречи с нами

ожидает какое-то немецкое мурло. И даже интуиция, сволочь такая, молчала словно рыба. Вовсе некстати вдруг вспомнился анекдот про ковбоя, который постоянно слушался советов своего внутреннего голоса. Что характерно – кончил он плохо. Ощущая себя тем самым ковбоем, плюнул на заткнувшуюся интуицию и попробовал уточнить:

– Евгений, а что он вообще может такого ляпнуть, что в Новогарьевке все вдруг перевозбудятся и поднимут кипеж? Ну хоть приблизительно?

Барон задумался на несколько секунд и признался:

– Даже вот так сразу и не скажу. Но привык на войне всегда предполагать худшее. Поэтому душа как-то не на месте из-за этого послания...

Я буркнул:

– Она у тебя не на месте, потому что ты в два укуса сожрал половину пирога хлебосольного Комаровского, а теперь бурчишь животом. Предусмотрительный старик первым занял санузел, вот ты и волнуешься, да предполагаешь худшее...

Гришка на это хохотнул, а барон прищурился:

– Ну а сами-то как считаете, чем нам это может грозить?

Махнув рукой, предложил:

– Давай мыслить логически. Ответное послание пришло не сразу, а где-то через полчаса после нашего сообщения. Можно предположить, что летеха до этого где-то мирно дрых. Но люди знали, что он ожидает БП. А тут вдруг сообщение, что бронепоезд проедет станцию не утром, а ночью. Поэтому, пока его нашли, разбудили и получили указания, вот и прошло время. Мог он опоздать со своей телеграммой? Вполне мог. Нам ведь эту ленту вручили за пару минут до отправления.

Евгений уныло вздохнул:

– Но он успел. Да и я в журнале расписался. Если бы унтер опоздал, то он бы отстучал, что адресат выбыл. Тогда бы и вопросов не было...

Я разозлился:

– Их и сейчас нет! Может, этот хмырь с нами посылку передать хотел? Или обер-лейтенант просто знакомый нашего гауптмана и возжелал с ним накоротке переговорить? В любом случае ничего важного и срочного там быть не может. Не свежий же приказ командования он нам всучить желает?

Берг ехидно сощурился:

– В том-то и дело! Связи с Дьяково нет с восемнадцати часов. Вполне может быть, что это курьер с приказом для БеПо. И был выслан после потери связи. Заночевал на станции. А тут сообщение, что идет бронепоезд. Вот он и предупредил, чтобы остановились.

Цыкнув зубом, я констатировал:

– Вот же ж сука! – но потом взял себя в руки. – Все складно, кроме звания. Целый обер-лейтенант курьером? Ладно – БП по документам проходит как отдельная воинская часть. Считай – отдельный дивизион. Только один хрен, для курьера из штаба дивизии в штаб дивизиона звание высоковатое... Да и в любом случае нам на вокзале светиться не резон. Поэтому Обилово проходим без остановок.

Гриня кивнул:

– Это верно! Сразу ведь так предлагал!

Я же, поймав какое-то озарение, повернувшись к Женьке, продолжил:

– Но офицерский ночной подъем надо как-то компенсировать. Уважение, так сказать, проявить. Поэтому бери конверт, бумагу и пиши письмо.

Тот поднял брови:

– Какое письмо? Кому?

– Обер-лейтенанту Таргену. Вон стоит машинка, поэтому напечатай, что в связи со служебной необходимостью бронепоезд не может сделать остановку в Обилово. Все возникшие вопросы он нам может задать нам в Новогарьевке. И еще – там, среди бумаг, есть образцы подписи Фольге. Потренируйся, чтобы твоя подпись была похожей. Поставь печать бронепоезда. В ящике я видел сигнальную ленту. Надо закрепить ее к конверту и выбросить на ходу, на перроне.

После чего, подняв глаза к потолку вагона, сделал «от локтя», прорычав:

– Хрена лысого мне хоть кто-то задумку сломает!

Трофимов на этот рык среагировал уважительным «Ого!», а Берг, по-моему, хотел перекреститься, но, быстренько передумав, уселся за печатную машинку.

Само письмо барон наваял без задержек, а вот подпись у него все никак не получалась. Со словами «даже фармазона из тебя толкового не выйдет» пришлось взяться за дело самому, и минут через пятнадцать проб, клякс и помарок мы имели на руках чистенький официальный документ.

А еще через полчаса состав начал сбавлять скорость перед станцией. Благо телефонная связь как между вагонами, так между вагонами и паровозами работала на отлично. Поэтому я приказал не лететь на всех парах, а идти на этом участке где-то десять-пятнадцать километров в час. Просто опасался, что вдруг зафинделю наш пакет в лоб ожидающему лейтенанту, и он оскорбится. А так – культурно сброшу под ноги, ну и плюс из-за небольшой скорости, послание потоком воздуха не сдует.

Когда уже подъезжали, я открыл дверь броневагона и в тусклом свете станционных фонарей принялся высматривать нашего лейтенанта. Даже если он нам какой-то приказ должен передать, то вряд ли станет сидеть в здании вокзала. Наверняка выйдет на перрон. И сомневаюсь я, что там будут толпы встречающих. Хотя людей, несмотря на глубокую ночь, хватало. Судя по вспыхивающим красноватым огонькам, несколько человек курили на лавочке. Разглядел заходящего в здание вокзала железнодорожника в форменной тужурке. Часовые опять-таки...

Ну и на самом перроне, возле путей, увидел парочку. Стоящий впереди офицер и чуть сзади солдат с чемоданом и саквояжем. Вероятно, денщик. Офицер, при виде приближающегося состава, затащился сигаретой и, щелчком отправив ее на рельсы, заложил руки за спину, разглядывая бронепоезд. А я внезапно решил поменять наш план. Ну в самом деле, не будет же у курьера чемодан приказов? Значит, это просто попутчик. Причем что-то да значащий в военной иерархии немцев, так как не каждый может возжелать иметь попуткой целый БеПо. Ну а я если ошибся, то просто всучу письмо офицеру и, запрыгнув обратно, уеду. Максимум что будет в этом случае, так это то, что командира бронепоезда в кайзеровской офицерской среде посчитают хамом и скотиной. Но реальному Фольге сейчас уже совершенно все равно, кем его назовут. Поэтому я скомандовал Трофимову:

- Передай - самый-самый малый вдоль перрона.

Дождлся, когда еле двигающийся поезд поравняется с платформой, спрыгнул и, обгоняя вагон, рванул к офицеру. Еще подбегая, крикнул:

- Обер-лейтенант Тарген?

Тот кивнул, а я, подхватывая его под локоть, потащил в сторону приближающейся открытой двери, причитая:

- Быстрее! Быстрее! Время!

Лейтенант при этом даже не брыкался, только порывался что-то спросить на ходу. Солдат, видя такое дело, подхватив чемоданы, шустро рванул следом.

Первым в дверь заскочил офицер. Потом солдат сунул в проем барахло и при этом сам почему-то остался на перроне. Я аж притормозил, спрашивая:

- А ты? Ты денщик?

Тот мотнул головой:

- Никак нет! Просто помогал господину обер-лейтенанту донести багаж!

Кивнув, принимая слова к сведению, в три длинных шага догнал вагон и запрыгнул внутрь. Все произошло буквально в течение пяти секунд, поэтому лейтенант только успел поставить вещи в сторонку и, выпрямившись, недовольно буркнул:

– К чему такая спешка? Неужели нельзя было нормально остановиться?

Я же, с лязгом запирая дверь, в свою очередь поинтересовался:

– А вы кто?

Летеха, окинув меня пренебрежительным взглядом, повернувшись в Бергу (погоны которого были явно больше моих), представился:

– Обер-лейтенант фон Тарген. Офицер для особых поручений при штабе генерал-лейтенанта фон Геца!

Женька удивился:

– И что вы на станции делали? До штаба дивизии отсюда далеко...

Лейтенант фыркнул:

– Разумеется, выполнял задание командования. А вот вы почему ночью идете? Ведь бронепоезд должен следовать через Обилово в десять утра? – А потом, разглядев в свете слабеньких ламп боевого отсека глумливо ухмыляющуюся Гришкину рожу и чинно сидящего в сторонке Комаровского, недоуменно нахмурился: – И объясните, что здесь делает этот гражданский?

Вместо объяснений и не дожидаясь, когда Тарген начнет задавать другие вопросы, я сделал шаг вперед и просто приложил немца кулаком по затылку. Трофимов заботливо подхватил падающее тело и тут же избавил его от оружия. Василий Августович, наблюдавший всю эту картину, лишь крикнул:

– Эк у вас ловко получается. Первый раз в жизни воочию наблюдаю настоящую работу наших военных, и качество этой работы мне нравится!

Берг, связывающий свежепленного, на пару секунд отвлекся, несколько обиженно спросив:

– Так вы что же – даже воинские парады не видели?

Комаровский отмахнулся:

– Ну что вы, голубчик. Парад – это скорее балет. Хореография-с. А здесь именно работа. И всегда приятно наблюдать за хорошо сделанной работой. А уж смотреть, как господа офицеры, при минимуме исходной информации, принимают предварительные решения, а потом изменяют их в зависимости от складывающейся ситуации, доставляет истинное удовольствие.

Трофимов, заканчивающий обыск и положивший на столик поверх разной карманной мелочи солидное портмоне, не вставая с корточек, страдальчески поморщился:

– Ну, Василий Августович... Ну не офицеры мы. И не господа. И не благородия. Мы – товарищи красные командиры.

Старик пристукнул своей лакированной палкой:

– Вздор! Не смейте себя принижать! Если кто-то относится к профессии с душой и делает свою работу «на ять», то этот человек, безусловно, является благородным человеком! Независимо от того, слесарь это в деповских мастерских или землепашец в деревне! Ну или, как в вашем случае – военный. И неважно, как он сейчас называется – офицер либо красный командир!

Гришка открыл и закрыл рот, молча переваривая неожиданно новый подход к благородству, а я наконец понял, почему разнообразное начальство счастливо выдохнуло, спровадив Комаровского на пенсию. Эдакие вещи декларировать в сословном обществе! Почему-то у меня не было сомнений, что инспектор путей свои принципы до революции не скрывал, и работали они в обе стороны. Как по отношению к специалистам, так и по отношению к разгильдяям. При этом невзирая на занимаемую должность и общественное положение этого самого разгильдяя...

И как относится Василий Августович к своему делу, мы тоже оценили. Блин! Да у меня схема путей (в том числе объездных) на отрезке Дьяково – Таганрог, что он нарисовал и пояснил, навечно в башке отпечаталась. До самой последней стрелки, пардон, стрелочного перевода. И не у меня одного. Гриня, удостоенный старческого легкого подзатыльника за то, что отвлекся во время объяснений, тоже наверняка все накрепко запомнил.

А поезд тем временем катил, бодро отстукивая уже привычный железнодорожный ритм. Бессознательный пленный чинно лежал в уголке. Берг просматривал документы, извлеченные из саквояжа. Я с интересом крутил трофейный Steyr M1912, который до этого видел, но в руках еще не держал. Ну а Трофимов занимался знаменем. Точнее он занимался здоровенной красной скатертью, найденной на одном из складов. Похоже, кладовщик это великолепие заныкал для себя, но теперь полотнище, размером где-то полтора на два метра, обшитое золотой бахромой по периметру, оказалось у нас.

У Гришки даже рука не поднималась портить сию красоту, но я настоял, чтобы тяжелые кисти по углам были срезаны. И бахрома, в месте крепления к древку, тоже должна быть сострижена. А то обилие золота резало глаз и отдавало чем-то сугубо купеческим. Само древко (жердина метра три длиной) было приготовлено заранее. И теперь оставалось лишь присобачить одно к другому, а когда проедем Новогарьевку, водрузить получившееся знамя на паровоз. А то увидят наши приближающуюся бронированную махину и сдриснут со своих позиций. Ну это те, кто потрусливей. А те, кто посмелее, обстреляют, да еще и из пушки вдарят. Нафиг нам эта радость нужна?

Хотя в темноте знамя один хрен видно не будет. Можно, конечно, его фонарем подсветить, но тогда есть шанс, что немцы стрельбу начнут. А их я боюсь гораздо больше. Так что флаг поставим, а дальше уж – куда кривая вывезет.

В Новогарьевке, невзирая на ее малые размеры, народу на вокзале шарилось гораздо больше, чем в Обилово. И судя по возникшей после проезда суете, нас встречали. При этом встречающие были сильно удивлены проскакивающим мимо БП. Руками замахали. Бегать начали. Чтобы их удивление вот так сразу не вылилось в нечто большее, мы, заранее подготовившись, пошли проверенным путем. На перрон был выкинут конверт с письмом, в котором говорилось, что, следуя полученным указаниям, мы должны провести предварительную разведку путей. И к пяти утра планируем вернуться обратно.

Вот теперь пускай они и соображают, что к чему. Куда мы поперлись? Кто нам дал такие указания? Ведь то, что бронепоезд захвачен, и в голову никому прийти не может. А у нас появится шикарная фора почти в два часа. За это время мы до Таганрога добежать успеем!

После этого спокойно ехали еще минут тридцать. Успели переодеться в свою форму и вывесить самодельное знамя. А потом паровоз вдруг стал резко тормозить. Машинально отметив время – без пятнадцати четыре, я схватил трубку связи с машинистом:

– Почему останавливаемся? Что случилось?

Ответил автоматчик, контролирующей паровозную бригаду:

– Тама, на рельсах, куча бревен навалена. Пока не разберем, не проедем!

Спрыгнув с вагона и проскочив чуть вперед, в свете паровозного прожектора, метрах в ста дальше, увидел ту самую кучу. А вокруг, что характерно, была тишина. Только в паровозе что-то булькало да потрескивало. Какое-то время я растерянно крутил головой, соображая, кто же сделал этот навал? В смысле, на каком языке мне сейчас начинать орать, чтобы не схлопотать пулю в ответ? Стоящий рядом барон, также безрезультативно оглядевшись, озвучил мои мысли:

– Интересно, кто это сделал? Германцы или наши?

Склонный к быстрым решениям Гришка рубанул рукой, словно шашкой:

– Да чо мы на это смотрим? Растаскивать надо, пока тихо!

Я возразил:

– Ага. А если там заминировано? Потянем бревнышко – и раскинем кишками по округе...

Помолчали, обдумывая перспективу. Потом один из автоматчиков предложил:

– Товарищ Чур, а если веревками сдергивать? Там, в артвагоне, несколько бухт, саженой по пятьдесят лежат. Свяжем их и начнем растаскивать. Или сразу несколько бревен к паровозу привяжем да дернем.

Я кивнул:

– Вариант. Давай, Гриша, займись, а я пока гляну, что там к чему.

После чего, включив фонарик (на бронепоезде были хорошие фонари со свежими батареями), потопал в сторону бревен. Те оказались не просто навалены, а еще и хорошо скручены между собой проволокой. Чисто визуально никакого заряда я в этой куче не наблюдал. С другой стороны, кто же его на виду оставит? Каких-либо проводов, уходящих в сторону, тоже не видел. Зато обнаружил три хвостика от самокруток. Хм... наши, что ли, перекуривали? В принципе, и фрицы активно потребляли махру, поэтому окурок от самокрутки не показатель. Но вот развернув хвостики на двух газетных, увидел русские буквы. А еще один был сделан из листовки. Тоже с кириллицей. Поэтому сдается мне, что мы-таки добрались до наших позиций.

Мои ребята еще возились внутри, собирая веревки, как набегающий ветерок принес издали короткий «блям» чем-то металлическим и не менее короткое приглушенное «мать!». Последние сомнения у меня исчезли и, прячась за бревнами, я, повысив голос, бросил в темноту:

– Это кто тут на рельсах нагадил? Какая сволочь пути завалила? Кому мне гланды через жопу рвать?

Шевеление вдалеке затихло, а потом хриплый голос спросил:

– Кто таков?

– Командир отдельного батальона морской пехоты Чур! Слышал про такого?

Голос не поверил:

– Брешешь!

Меня это возмутило.

– Ты, чувырла братская, будешь перекрикиваться, или, может, подойдешь? А то мы сейчас всех немцев своим базаром переполошим!

Голос продолжал осторожничать:

– А что это за поезд на путях стоит?

Я пояснил:

– Это мой трофей. И если сейчас я на нем не поеду дальше, то сам огорчусь и всех вокруг огорчу до невозможности!

И повернувшись к ребятам, которые уже бежали от БП, крикнул:

– Свет на флаг! Расправьте там, чтобы виднее было! И кусачки сразу возьмите, а то тут все связано!

После того как осветили флаг, со стороны пришельцев раздался изумленный выдох:

– Итить твою мать! Робя, это ж бронепоезд!

А откуда-то сзади сначала коротко татакнул, а потом залился очередью пулемет. Взвизгнули рикошеты от брони, и я заорал:

– Гаси на хрен все! Свет гаси! А вы, братва, давай, навались, а то сейчас немчура из орудий вдарит, никому мало не покажется!

Пулемет лупил где-то с километра и из-за темноты особой опасности не представлял. Зато если вступит артиллерия, то будет плохо. Прицелиться у них не получится (ночь кругом), но если вокруг все пристреляно, то начнут садить по квадратам. А это пипец.

Пока ребята кусали проволоку, приблизившиеся наконец красные бойцы тоже вступили в дело. Их старший представился как комвзвода Селиванов, и на мой вопрос о минах ответил, что не знает. Завал не они делали, поэтому, есть там что или нет, он не в курсе. Вот ротный, тот скорее всего имеет представление... От такого подхода я несколько охренел, но выхода все равно не было (не искать же сейчас этого комроты?), поэтому, пока остальные таскали бревна, я, прикрыв фонарь ладонью и пропуская свет сквозь щели между пальцами, пытался разглядеть закладку.

И разглядел-таки! Мина представляла собой деревянный ящик, от которого отходили провода. Раньше я их не увидел, потому что они оказались заботливо прикопаны. А так как ящик оказался заколочен, то мною был сделан логичный вывод, что взрыватель явно не нажимной. Да и вообще сильно сомневаюсь, что в это время нажимные взрыватели были изобретены. Так что, скорее всего, мы имеем дело с электрическим инициатором подрыва. Поэтому, как только появилась возможность, я ухватил этот ящик и, резанув провода, просто откинул его под насыпь.

Свиста снаряда, из-за гомона и шума от разбора завала, не было слышно. Поэтому, когда взорвался первый (буквально в ста метрах от рельсов), я на мгновение даже подумал, что это рванула выкинутая мина. Но потом дошло, что если бы это было так, то нам бы уже кирдык настал. А потом в стороне, метрах в трехстах, почти одновременно шарахнуло еще два снаряда.

Народ раскидывал последние бревна, поэтому, не дожидаясь прилета очередных гостинцев, я заорал:

- Уходим! Быстро! Прожектор не включать!

Потом, хлопнув по плечу Селиванова, добавил:

- Спасибо, братишка! Уводи своих людей, а то сейчас здесь горячо будет! И если связь есть, пусть передадут нашим, что Чур в Таганрог отбитый у немцев бронепоезд гонит! Хорошо?

Взводный кивнул:

– Об чем разговор! И ротному, и комбату скажу! А они уж дальше всем передут! Пушшай люди порадуются! Это ж надо – такое дело повернуть! Еройские вы робяты!

Тут мы резво залегли, пережидая взрывы (на этот раз уже метрах в пятидесяти), и разбежались. Я не стал парню объяснять, что сообщение необходимо не для народной радости, а для того, чтобы наше внезапное появление панику в красных тылах не навело. Не до объяснений было. Он нырнул куда-то в темноту, а я, заскочив в уже подошедший вагон, захлопнув дверь, застыл, напряженно прислушиваясь – попадут, не попадут? Не особо слышные через броню разрывы раздались где-то сзади и левее. А по мере увеличения скорости они все больше и больше отдалялись. Ну а минут через пять, когда поезд плавно вошел в поворот, огибающий сопку, я выдохнул и, победно ощерившись, сделал «йес». После чего, повернувшись к своим людям, выдал:

– Ну что, братва? Вроде проскочили! Мля! Проскочили!! Кто молодцы? Мы молодцы! Готовьте ладони для пожатий и жопки для поцелуев!

Мужики при этом начали радостно пихать друг друга, а Женька, неуверенно улыбаясь, уточнил:

– Чего-то я насчет поцелуев недопонял... Чего готовить?

Я охотно пояснил:

– Если нас командование, за такой королевский подгон, не начнет в задницы лобзать, то я уж не знаю даже, чего им, собакам, еще надо!

Трофимов солидно подтвердил:

– Во-во! И ордена нехай готовят! Мы же, считай, орудийную батарею уничтожили. Со всем личным составом. Гарнизон города перебили. Пленных с трофеями захватили. Да еще и бронепоезд умыкнули у германца! Целенький! Новенький! С полным б/к, вооружением и даже с огнетушителями!

Не знаю уж, чем Гриню так зацепили эти огнетушители, что он их постоянно вспоминает, но насчет орденов мой зам прав. Сдается мне, что на батальон в

этот раз должен просыпаться наградной дождь. И я все силы к этому приложу, потому как люди реально заслужили.

И тут подал голос Комаровский. Старик с улыбкой наблюдал за нашими плясками, а когда мы немного уgomонились, задал простой вопрос:

– Молодые люди, а вы уже подумали, как будет называться этот БеПо? Или это не в вашей компетенции?

Я замер, а потом, подняв палец, глубокомысленно произнес:

– Точно! Как вы яхту назовете, так она и поплывет! Вопрос серьезный. И если что – краска у нас есть! Черная, но это лишь подчеркнет причастность морской пехоты к этому бронепоезду! Ну что – у кого какие предложения?

Глава 3

Народ действительно всерьез принял мое предложение, поэтому в обсуждении принимали участие все находящиеся в данный момент в вагоне. И от пятнадцати человек (остальные занимались делом) гвалт стоял нешуточный. Я же отвел себе роль критика и тоже веселился вовсю.

– Красный пролетарий!

Кивнув очередному крикуну, прокомментировал:

– Индейский слесарь? А что – и рабочий и краснокожий в одном флаконе.

– Анархия – мать порядка!

На это даже Трофимов отреагировал:

– Не, братва. Давай без указаний партийности. Люди ж разных взглядов за революцию воют. Надо, чтобы для всех звучало!

– Волжский пахарь!

Тут даже я удивился:

– А почему волжский?

Внесший предложение белобрысый курносый парень застеснялся и тут же внес коррективы:

– Можно не волжский. Можно просто – пахарь.

Пока я обдумывал интересное название (пахарь не в смысле «землепашец», а в смысле «рабочий войны»), парни накреативили еще десяток предложений. Но когда пошли сокращения, то не выдержал:

– Тогда уж сразу – Даздраперма!

Все озадаченно примолкли, а Берг, вытаращив глаза, спросил:

– Это что еще за извращение?

Я ухмыльнулся:

– Не, ну если уж в ход пошли «ВперПоКомы», то и «Даздраперма» имеет право на жизнь. Это всего-то – «Да здравствует первое мая»!

Но мое предложение было отвергнуто. Никто не хотел оказаться захватчиком бронепоезда со столь неблагозвучным названием. А когда первоначальный запал у ребят прошел, и они перестали, перекрикивая друг друга, вносить свежие идеи, то я коротко произнес:

– «Пипец». Или «Песец».

Гриня поднял бровь:

– Уж больно на пи***ц похоже... А что это вообще такое?

Пришлось пояснять более развернуто:

– На северах водится такой зверек – песец. Полярный лис. И название у него уж больно для нашего случая подходящее. Вот на какой участок БеПо придет, там врагу и наступит пипец!

Народ рассмеялся и принялся смаковать новое слово и так, и эдак. Но тут сидящий за столом Комаровский, слегка кашлянув, привлек внимание. До этого старик, просто улыбаясь, слушал наши вопли. Но сейчас обратился ко мне:

– Господин... извините, товарищ Чур. Ваше предложение достаточно интересное. Но уж больно хулиганистое. Понимаю, что сейчас, когда ломаются все устои, это звучит свежо. Но вот когда-нибудь потом... Потом, когда в российских школах станут изучать времена революции и ваши славные деяния, каково детишкам будет читать про «Пипец»?

В этом месте народ офигел и заколдовался. Никто настолько далеко не заглядывал. А уж про школы и детишек вообще даже не предполагал. Дед же тем временем продолжил:

– А бронепоезд – это же словно сухопутный корабль. С пушками. С пулеметами. И имя ему надо подобрать, чтобы всем было понятно – вот пришел надежный боевой товарищ, который всегда поможет и поддержит.

Трофимов, помолчав секунду, хлопнул рукой по столу и воскликнул:

– Точно! «Боевой товарищ»!

Все загалдели, одобряя название, но я, глядя на Комаровского, предположил:

– Василий Августович, сдаётся мне, вы не закончили мысль?

Тот кивнул и, хитро глядя на нас, спросил:

– Вот как вы друг друга обычно называете?

Кто-то уверенно ответил:

– Товарищи!

Дед качнул головой:

– За все время знакомства с вами обращение «товарищ» я слышал раз десять. И это было в основном во время отдачи или получения приказов. Или при обращении к незнакомым людям. Вот те мальчишки, что забирали меня из дома, обращались ко мне исключительно «товарищ». А все остальное время вы ко всем обращались – «братишка». Это почти то же самое, что и «товарищ», но все-таки несколько ближе и теплее.

Во Августович дает! Молодец дед, все учел! Я подхватил:

– Плюс это название подчеркнет, что бронепоезд передан Красной Армии именно балтийскими матросами, а ныне – морскими пехотинцами! То есть «братишками»! И даже если мы уйдем в рейд, то «Братишка» всегда поддержит сухопутных в трудную минуту! – И повернувшись к внимательно слушающему народу, предложил: – Ну что, братва? Вариантов накидали много, так что давай голосовать?

В общем, ради такого дела мы даже остановку сделали. Тем более что спешить вроде как не резон. Надо чтобы сообщение о бронепоезде успело дойти, а то заявимся в Таганрог все такие красивые, а народ с переполоха начнет или воевать, или убегать. Лучше постоим какое-то время, развлечемся выбором имени для трофея.

И так как комиссар, могущий нас как-то вразумить, был далеко, а пафоса, как я уже говорил, не люблю, то на собрании всячески жег за понравившееся название. Поэтому и проголосовали почти единогласно, и надпись с обеих сторон на бронированном паровозе нанесли. Благо уже почти пять утра, рассвело и света для художественной росписи вполне хватало. Так что теперь здоровенные буквы гласили, что это не просто непонятно чей БП, а вполне себе военно-морской «Братишка». Чуть ниже был нарисован якорь и наш девиз полукругом – «Никто, кроме нас!». Теперь уж точно красные не напугаются.

Заодно поели и избавили истомившихся пленных от кляпов. Давно очухавшегося Таргена решили в общую кучу не помещать, а оставить рядышком с нами. Все-таки фигура солидная – офицер для особых поручений, поэтому и сдадим его отдельно. По новой прикрепили флаг, который уже обзавелся тремя пробоинами от осколков, став настоящим боевым знаменем, и неспешно покатали дальше.

Солнце уже стало потихоньку припекать, когда мы торжественно подъехали к двухэтажному зданию таганрогского вокзала. И оно реально было здоровенным. Солидное сооружение, сделанное из красного кирпича, с большими окнами и декоративными балкончиками. Но все это великолепие разбивалось об отсутствие людей. Вот вообще никого не было видно. Только в дальней части перрона весело проводила время малочисленная собачья свадьба.

Выйдя из вагона, мы остановились, крутя головами, а потом Трофимов, почесав затылок, предположил:

– Наверное, не успели о нас сообщить, вот люди и попрятались. Или еще спят. Время-то еще шести нет.

Закуривая, ответил заместителю:

– Угу... Внутри на всякий случай заглянули и глазам своим не верят. Но сейчас знамя разглядят, надпись прочтут, да появятся...

Словно в подтверждение моих слов, большая резная дверь входа отворилась и оттуда вышли трое. Железнодорожник в форме и два типа явно военного обличья. О! А одного из них я знаю. В Ростовском ЧК видел. Фамилия у него еще такая... Вспомнил – Галомеха! Игорь Галомеха. Я там насчет беспризорников выяснял, а он пришел докладывать, что его ребята завалили каких-то давно разыскиваемых бандитов. Чекист тоже меня признал и, улыбаясь, распахнул объятия, шагая навстречу:

– Ну, товарищ Чур, ты и выдал! Нам полчаса назад сообщение пришло, что, дескать, чуровцы у немцев бронепоезд отбили. Мы, честно сказать, не особо поверили. Подумали – а вдруг ошибка, и сейчас немцы на броне прикатят? Пришлось даже людей с вокзала убирать и артиллерию срочно готовить. А тут – на тебе! Но это же уму непостижимо! Как? Как вам это удалось?

Гришка ухмыльнулся:

– Долго ли умеючи?

А я, похлопывая по обтянутой кожанкой спине возбужденного Галомахи, подтвердил:

– Как видишь – удалось. – Отстранившись, добавил: – Там пленных целый вагон. Вот и принимай их под охрану. Да, учти – бригада машинистов в тяжелом паровозе с нами сотрудничала. Так что к пленным их не суй, а я потом с ними сам разберусь. Есть немецкий офицер для особых поручений, от штаба дивизии. Он отдельно упакован. Так что забирай к себе. И еще – мне надо срочно встретиться с Матюшиным.

Второй военный заверил – убедившись в правдивости сообщения, Анатолий Иванович был сразу извещен (поэтому они и тормознулись в здании вокзала – донесение передавали), так что командующий ожидает героев. Штаб группировки к сегодняшнему дню располагался в городе, поэтому ехать было совсем недалеко.

А потом был доклад и о бронепоезде, и об остальных наших действиях. За ним последовал митинг. Ну, не то чтобы сразу. Нет. Для начала нас покормили. Потом предоставили баню. К этому времени собрали здоровенную толпу. Сам Таганрог город небольшой, но сейчас он являлся базой юго-западной группировки войск, поэтому народу было выше крыши. Ну и репортеры присутствовали, включая аж трех кинооператоров. Поэтому пришлось блистать красноречием. Я обычно не говорун, но тут прямо несло. Правда, сильно не хватало микрофонов с усилителями, поэтому с непривычки к концу я охрип как сволочь. Эстафету подхватил непосредственно Матюшин. Говорил он по нынешним временам недолго. Минут тридцать. А вот когда внеплановый тимбилдинг единения «товарищей» закончился, началось то, чего я опасался.

Командующий, таинственный, словно Дракула, мягко завлек меня в свой кабинет и принялся охмурять. Не... ориентации он был вполне нормальной, но лучше бы оказался голубым, так как в этом случае все бы решилось сразу – хорошим ударом. Но сейчас у меня даже толком возразить не получалось. А Анатолий Иванович, играя голосом, жестами и интонацией, требовал с меня ни много ни мало, а экипаж для нового бронепоезда. И главное, гад такой, базу подо все

подводил железобетонную! Дескать, кроме моих морячков никто с БеПо не справится. Можно, конечно, со стороны людей набрать и выдрессировать, но на это сколько времени уйдет? А у меня уже готовые обученные и технически подкованные люди. Плюс, благодаря моим усилиям, являющиеся одной из наиболее дисциплинированных частей Красной Армии. Тогда мы сразу сумеем задействовать трофей, и можно будет с большой долей вероятности сказать, что возможное наступление немцев на нашем участке будет остановлено. Ну или, во всяком случае, переть вперед они станут не столь резво. И просит он у меня отдать вовсе не всех людей, а всего-то – человек шестьдесят.

Вот охренеть, благодетель! Два взвода ему вынь да положи! И так просяще он со мною разговаривает исключительно потому, что у нас отдельный батальон центрального подчинения. Если бы мы непосредственно под ним ходили, то беседовали бы сейчас совсем по-другому. Хотя... не факт. Времена ныне такие, что перегни командующий палку, люди вполне могли его послать в далекий пеший маршрут. Не то что прямо вот в глаза, а к примеру, предоставив решение матросского комитета об отказе. И все. Ничего бы он сделать не смог. Только долго и упорно убеждать, взывая к совести, пролетарскому чутью и революционной сознательности.

Но я сам понимал необходимость скорейшего ввода в строй «Братишки». И когда Матюшин, обеспокоенный моим угрюмым молчанием, уже начал намекать на привлечение к этому делу Жилина, просто кивнул и предложил позвать к нему в кабинет Гриню.

Трофимов нарисовался буквально сразу, так как находился в здании штаба. Я же, глядя на своего зама, вздохнул и обрисовал ему все получающиеся расклады. Глаза у зама вначале вспыхнули.

– Меня? Командиром бронепоезда? И наша братва в экипаже? Ух ты, как кучеряво вырисовывается!

Но буквально сразу бывший боцман погас и, виновато глядя на меня, хмуро признался:

– Не потяну. Месяц назад даже и не раздумывал бы. Сразу согласился. А теперь понимаю, что не потяну, и все тут! Да и как мы батальон бросим?

Матюшин начал было убеждать, что это не так, но я жестом прервал Анатолия Ивановича и обратился к заму:

– Григорий Иванович (в этот раз интонации были нормальные, поэтому Гришка удивленно уставился на меня), твои сомнения в том, что справишься с командованием «Братишки», говорят в твою пользу. Дурак бы согласился сразу. Но скажу, как человек, достаточно тебя узнавший, – ты за этот месяц столько опыта поднабрал, что реально на голову выше всех прочих, кого могут предложить. Тут ведь как – даже если попадется толковый командир, то с братвой может не управиться. Или с нашими матросами поладит, но сам при этом дуб дубом. Поэтому я рекомендовал твою кандидатуру.

Тут я Гришке безбожно льстил, но деваться действительно было некуда. Любого опытного офицера (а где еще грамотных на БП брать?) мореманы не примут. А насчет Грини у меня был план. Поэтому, когда он вскинулся:

– Товарищ Чур, но как же так! Я же...

– Ша! – жестом прервал начавшего паниковать Трофимова и продолжил: – Считаю себя и людей временно прикомандированными на БеПо от нашего батальона морской пехоты. В экипаж со взводов отберешь всех комендоров и механиков. В отделение управления возьмешь пятерых с нашего взвода управления. Григоращенко не трогать! С ним только посоветуешься, он тебе подскажет, кого брать. Возьмешь еще трех ружмастеров из рабочих-путиловцев. Так же я отдаю тебе Васильева. Александр Михайлович артиллерист от бога – он и поможет, и подскажет. Пойдет твоим заместителем. Сам понимаешь – держать целого штабс-капитана взводным это чересчур жирно. А тут считай, должность – замком дивизиона. Думаю, он будет не против...

Реакция последовала именно та, что и ожидалось. Зам был достаточно амбициозен, но при этом вполне отдавал себе отчет, что как командир он может накосячить. Да что там «может?». Обязательно накосячит! А тут я ему считай мозговой центр предоставляю, в виде Васильева. Товарища, проверенного и признанного самим Чуром. Такого даже прилюдно послушать не грех, несмотря на то что бывший офицер. И вообще – это он раньше был офицером, а сейчас свой в доску однополчанин – морпех! Поэтому, услышав мои слова, Трофимов подскочил:

– Ух ты! Михалыча даешь! Живем! Э-э... А как же сам?

Я усмехнулся:

– Он своих подчиненных надпочил от души, так что пока вместо него Саблин будет.

Гриня кивнул:

– Это который бывший прапорщик? Ну, тогда нормально. Толковый парень. А это... – было видно, что заместитель стесняется. – Ну... пулеметчики...

Тут он погас совсем, но я ободряюще улыбнулся:

– Двоих получишь. Кузьмина – это отделенный второго отделения, и Шашкина. Люди опытнейшие, но уже несколько в годах. Им по степям гулеванить, пусть даже и на тачанках, тяжеловато. А вот культурно ездить на поезде – вполне. Вот и считай, что у тебя командиры пулеметных вагонов уже есть. Ну а остальную братву они на ходу подучат. А дорожных ремонтников вам командование подкинет. Ведь подкинет?

Я повернулся к внимательно слушающему нас Матюшину, и тот радостно кивнул:

– Подкинем. Обязательно подкинем! И ремонтную бригаду, и пехоту для десанта. Так-то людей у нас хватает. Специалистов вот почти нет...

Вспомнив, я продолжил:

– Да, еще нужны бригады машинистов на оба паровоза. – Глядя на приподнятые брови командующего, я пояснил: – И в бронепоезде, и в паровозе бригады немецкие. В бронепоезде были военные железнодорожники, так мы их сразу повязали. А в паровозе – гражданские. Тех мы пуганули, вот они нас и привезли сюда.

Анатолий Иванович деловито уточнил:

– Распропагандировать их не пробовали?

Я развел руками:

– Смысла нет. Они же по-русски ни бум-бум. – И прикуривая от бычка, продолжил: – Остался главный вопрос. Кто на «Братишке» будет комиссаром? Лапин мне самому нужен. Его помощник, из студентов, пока еще не в авторитете. А человек нужен не абы какой. Горлопан, с уклоном в мировую революцию, не прокатит. Его мои ребята сразу зачмырят. Есть у тебя на примете кто?

Политически подкованный Гриня деловито подтвердил:

– Да. Нам бы вот кого-то наподобие нашего Кузьмы или товарища Чура. Чтобы без завиральных идей, чтобы понятно все было и чтобы вдохновить мог.

Матюшин, пожевав губами, кивнул:

– Есть такой. Из наших, из жилинцев. Сам – из рабочих. В партии с двенадцатого года. Вот прямо от сердца отрываю...

Выражение его физиономии подтверждало отрыв от души, но я решил возмутиться:

– А я, мля, своих ребят от чего-то другого отрываю? Но на нашем участке это единственный бронепоезд! Ведь «Алая заря» сейчас Краснова тиранит, так что мы свой БеПо должны лучшим снабдить! И людьми, и снаряжением, и продовольствием!

Анатолий Иванович быстро поправился:

– Да нет. Я это сказал, чтобы вы поняли – действительно лучшего комиссара вам хочу дать. И чтобы его твои орлы там не... э-э... как ты выражаешься, «не зачмырили». – Тут, немного отклоняясь от темы, командующий решил уточнить: – Вот откуда ты все эти словечки берешь? И главное, не знаю, что это такое, но смутно чувствую, что лучше быть побитым, чем зачмыренным.

Вместо меня пояснил Трофимов:

– Это точно.

После чего в меру своего понимания объяснил Матюшину значение термина. Я же, слушая их, просто улыбался, мысленно не переставая себя нахваливать. Вот насколько верно сделал, что с самого начала решил не косить под местного и говорил так, как привык разговаривать в своем времени. Начни маскироваться, все равно где-то бы да прокололся. Даже невзирая на то, что с революцией появилось множество разных новых слов и смыслов. Зато сейчас мои словечки, обороты и интонации разошлись далеко за пределы батальона, и никто уже не задаст вопрос – а чего это Чур так странно гутарит? Кто-то считает, что это не я странный, а он темный, активно при этом перенимая новый лексикон. Кто-то принимает мою речь за говор какого-то отдаленного региона, также заимствуя наиболее смачные выражения. А кто-то (типа Матюшина) просто спрашивает значения незнакомых слов, не особо ударяясь в этимологию их происхождения.

В общем, после Гришиных объяснений мы дальше стали обсуждать действия по поводу подготовки «Братишки» к боям. Но минут через двадцать в дверь постучали, и после разрешения телеграфист торжественно внес ленту сообщения. И оно было для меня. Вначале шли поздравления от правительства РСФСР с блестяще проведенной операцией. А вот дальше была конкретика непосредственно от Жилина. Он предписывал не позднее двадцать четвертого мая быть с батальоном в Таганроге (либо, если обстановка изменится, то в Ростове) для получения дальнейших распоряжений, которые он отдаст лично.

Интересно девки пляшут... А если бы я не пригнал бронепоезд и не появился в расположении красных? Как бы Седой до меня эту весть донес? А главное, что в конце послания идут две точки и запятая. По нашей договоренности это значит, что дело очень важное. Чего же там у него такого приключилось, что при первой возможности председатель ЦИК батальон из рейда выдергивает? С другой стороны – чего гадать? Меньше двух недель осталось до срока. Появится сам да скажет.

Ну а я, показав послание Матюшину, занялся делом. Пролетку мне выделили без вопросов, поэтому мы с Гриней вернулись к «Братишке». Комиссара к БеПо обещали подвезти ближе к вечеру, так как сейчас он был на позициях. Пленных к этому времени уже всех забрали, так что оставались только наши люди и растерянные машинисты с паровоза, которых Комаровский в данный момент поил чаем с сухариками.

А мы начали решать, кто прямо сейчас останется с Трофимовым. Трое морпехов и один сапер определились сразу в экипаж. Так же, для облегчения несения службы, до возвращения батальона, оставили пятерых автоматчиков и второго сапера. Во всяком случае, с таким составом уже можно организовать нормальный караул.

Машинисту с кочегаром было очень страшно и оставаться, и возвращаться. Остаться, потому что язык не понимали, да и вообще не представляли, как это будет выглядеть и к чему приведет... А возвращаться, это означало нарваться на расстрел. Парни не были идиотами и вполне представляли царящий сейчас кипеш, связанный с угоном бронепоезда. И если они появятся, то разгневанное немецкое командование не посмотрит, что это гражданские люди. Найдет на ком злость сорвать.

В принципе, они были правы, поэтому я посоветовал им пока остаться. Учить язык по мере возможности, а со здешними железнодорожниками их Трофимов сведет. Глядишь, и получится на работу устроиться да паек получать.

Тут влез Комаровский. Хоть старик и говорил, что это не понадобится, но я все равно выписал ему проездные до Ростова. Так вот, Василий Августович сказал, что в Ростове несколько его знакомых инженеров-железнодорожников довольно хорошо знают немецкий, и, если будет выдано требование, смогут взять эту бригаду к себе. Я посмотрел на Гриню, и тот понятливо кивнул:

– Сделаем. И требование выпишем, и послание соорудим от нас ростовским рабочим. Так что примут этих парней нормально. А еще впишем немцев в проездной документ Василия Августовича. Вы же их проводите до места?

Старик уверил, что и проводит, и поможет.

Ну а у меня оставался последний вопрос. Оставив Трофимова для окончательных утрясаний проблем с Комаровским и немцами, я, поманив за собой Берга, вышел на перрон. Там, усевшись в теньке на лавочке, закурили. А потом я сказал:

– Ну что, Евгений Генрихович, можешь определяться. Дело мы сдывали большое. И ты здорово в этом помог... Кстати, ничего что на «ты» обращаюсь? Хотя я сейчас командир, а ты рядовой боец, но вдруг твои благородные корни от этого обращения колбасит не по-детски?

Барон фыркнул:

– Последний раз их, как вы выражаетесь, «колбасило» почти год назад, при общении с солдатским комитетом. Тогда мне повезло отделаться лишь синяком. А ротмистр Сидорчук получил штыком в живот. С тех пор я сильно поуменел...

Я пожал плечами:

– Не повезло ротмистру. Хотя... Просто ради интереса ответь – он сильно любил у солдат зубы кулаком щупать?

– Ну... бывало...

Затянувшись и выпустив пару красивых колечек, я подытожил:

– Вот и ответ. Ты, похоже, держимордой не был, поэтому и отделался бланшем.

Опять помолчали, а затем Берг поинтересовался:

– Вы начали разговор с того, что мне надо определяться. В чем?

Вздыхнув, собираясь с мыслями, я ответил:

– В том, кто ты, где ты и с кем ты? Сейчас тебя у красных держит только твой друг Михайловский. Но у Виктора свой путь. Это грамотный и дисциплинированный командир с той небольшой авантюрной жилкой, которая как раз необходима для достижения громких побед. И как следствие – больших высот. И когда я говорю – «больших», это значит, что для нашего пулеметного начальника звание командира полка вовсе не будет пределом. Он уже сейчас со мною обсуждает идеи, приличествующие какому-нибудь военачальнику-новатору.

Барон удивился:

– Витька? Нет, он всегда отличался тягой к военному ремеслу, но чтобы вот так... А если не секрет, что за идеи?

– У него спросишь, он и расскажет...

Это действительно не было секретом, просто, когда Михайловский стал делиться со мной своими мыслями дальнейшего развития тачанок, я даже офигел. Просто потому, что он пусть и несколько расплывчато, но достаточно четко прописал концептуальную идею использования танков. Заметьте, даже не броневики. И не нынешних неторопливых и огромных «ромбов» вроде английского Mark, от которых писаются кипятком все нынешние военачальники, а наоборот – небольших быстроходных машин с противоположной броней и легким вооружением типа малокалиберной пушки и пулемета. То есть Витька додумался пока что только до легких танков и вожделем о чем-то наподобие Т-18 или даже (в самых смелых мечтах) БТ[7 - Т-18, БТ – советские легкие танки.]. При этом пытаюсь выстроить взаимодействие танков с пехотой. Еще корявенько, но какие его годы?

А что особо мне понравилось, парень сразу продумал мысль о снабжении и ремонте техники. В этом он коренным образом отличался от Тухачевского, для которого танки были вещью в себе и могли существовать, как сферический конь в вакууме, практически без обслуживания и запчастей.

При этом Михайловский был только в начале пути, но сдается мне, что со временем буду иметь удовольствие видеть превращение бывшего царского пехотного поручика в будущего советского бронетанкового генерала. Ну а я, разумеется, помогу, по мере сил...

Тем временем наш разговор с Бергом продолжался:

– То есть Виктора я вижу военным до мозга костей. А вот у вас, барон, больше преобладает авантюризм. Посмотрел я на твое поведение и на допросе, и при общении с немцами. Да и наглый посыл командира тоже о чем-то говорит. Невооруженным глазом видно, насколько вас сильно бодрит опасность и как вам нравится это чувство. Вам бы не в офицеры идти, а в какие-нибудь пионеры-первооткрыватели. Чтобы опасности на каждом шагу, чтобы ветер в лицо да неизведанное за каждым поворотом. А каждодневная рутина вас гнетет...

Про адреналинового наркомана барону я ничего говорить не стал, так как сильно сомневался, что сейчас этот термин вообще известен. Но и того, что сказал, вполне хватило, так как Берг вытаращил глаза:

– Чур, а вы с врагом рода человеческого никак не связаны? То, что Виктор обо мне такого рассказать не мог, я уверен. У него просто времени для этого не было. Вы же сейчас почти слово в слово повторили слова моего ротного командира! И то ему для таких выводов понадобилось почти полгода! Вы же вот так сразу...

Я ухмыльнулся:

– С врагом не связан. Можно даже сказать, что наоборот. А насчет выводов... Просто есть такая наука – психология. Там все это очень хорошо объясняется. И исходя из нее, я могу сказать, что, из-за импульсивности и тяги к риску, тебя необходимо постоянно контролировать. Поэтому больших постов тебе не добиться. Максимум – ротный. И это во время войны. В мирное время таких, как ты, называют дерзкими наглецами и стараются спихнуть с глаз подальше, в самый дальний гарнизон.

Барон удрученно кивнул:

– Мне то же самое и раньше говорили... Но что поделать, если характер такой? Это отец настоял, и пришлось идти по его стопам, обучаясь в Андреевском училище[8 - Напоминаю, что в этом мире цесаревича зовут Андрей.].

– А кто у нас папа?

Евгений не обратил внимания на фамильярность:

– Отец служил преподавателем в том же училище. Умер от апоплексического удара еще в тринадцатом... А я ведь и не особо хотел быть военным. А уже после выпуска даже в авиацию перевестись думал. Но рапорт не одобрили...

Сочувственно кивнув, я уточнил:

– Чего не одобрили-то? Кстати, именно в авиации ты бы себя тоже мог показать. Там твой характер очень бы в тему пришелся. Особенно в истребителях.

Берг махнул рукой:

– Мне не объясняли, почему прошение завернули. Только что теперь об этом говорить?

Пришлось возразить:

– Не скажи, не скажи... Просто я стараюсь следовать словам Козьмы Пруткова. Это насчет того, что каждый человек необходимо приносит пользу, будучи употреблен на своем месте. Вот и соображаю, куда тебя приткнуть. Нет, можно, конечно, оставить как есть. У Витьки ты быстро станешь командиром отделения. Но это нерационально. Ты образован, смел, физически развит, знаешь языки, и занимать место отделенного в пулеметном взводе для тебя считаю не совсем верным.

Парень криво улыбнулся:

– И куда же вы меня прочите?

Я пожал плечами:

– В том то и дело, что пока не знаю. А сам-то ты к чему склоняешься? И я не только про войну говорю. Сейчас будешь служить, где прикажут. Но у самого к чему душа лежит? Вот, в принципе, чем бы хотелось заниматься?

Евгений помолчал, разглядывая редкие облака, а потом выдал:

– Сразу даже не скажу. У меня ведь с самой юности все шаги были расписаны. И не мной. А сейчас даже как-то странно... «К чему душа лежит»... знаете, – парень посмотрел мне в глаза, – вы так про первооткрывателей сказали, что даже детство вспомнилось. Тогда я мечтал быть как Ливингстон. Чтобы новые земли и неизведанное... Но я повзрослел, да и мир уже другой. Ну и войну исключать нельзя. Пуля, она дура. К чему сейчас загадывать?

Какое-то время разглядывая собеседника, я прикидывал варианты. Ну надо же – по складу характера Женька должен неплохо вписаться в мою группу будущих кладоискателей. Шестеро у меня уже есть (правда, не знающие еще никакой конкретики). А этот вроде шустрый и не дурак... Ладно, жизнь покажет, что он за фрукт. Еще раз оценивая оглядев Берга, ответил:

– Загадывать надо всегда. Во всяком случае, имея цель, есть куда стремиться. И насчет тебя я решил так – останешься при мне, командиром отделения автоматчиков. Ну и само собой, переводчиком на полставки. Не делай тут большие глаза – насчет ставки я шучу. А чтобы было куда стремиться, так скажу: готовься – покажешь себя нормально, после войны предложу тебе нескучную совместную работу. Почти как у Ливингстона, но с конкретной конечной целью и не только в Африке, а по всему шару.

Барон от такого поворота растерялся:

– Э-э... это вы серьезно? И что значит – «совместную работу» и «по всему шару»?

Опять закуривая, я ответил:

– Совместную, это значит совместную. В составе небольшой группы единомышленников станем работать на благо страны. Оплата... Хм... Оклад будет генеральский. С премиями по факту. А насчет «шарика»... имеется в виду весь земной шар.

Собеседник посерьезнел:

– Это как-то связано с разведкой?

Я мотнул головой:

– Даже не рядом. Скорее, это ближе к занятиям Генриха Шлимана. Слышал про такого?

После моего вопроса глаза у Берга стали, как у какающего ежика, но он быстро пришел в себя, воскликнул:

– Да кто же про него не слышал?! А вы хотите найти вторую Троицу?

Фыркнув, я ответил взволнованному парню:

– Вот на хрена мне вторая Троя? Миру и одной вполне хватит. Но мысль у тебя идет в правильном направлении. Трою уже откопали, а у нас могут быть и древние пирамиды ацтеков, и потерянный храм в индийских джунглях, и забытый город ариев. Но при этом ожидается противодействие самых разнообразных аборигенов. Поэтому мне и нужны люди, знающие, как себя вести по обе стороны от мушки.

Барон несколько раз вхолостую открыл рот, пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами. Вскочил. Опять сел. Снова встал и, одернув китель, звенящим голосом ответил:

– Если вы сейчас шутите, то я вам этого никогда не прощу! Да я тебя просто пристрелю тогда, и плевать, что потом будет!

Откинувшись на спинку лавочки, жестом указал рядом с собой:

– Ты сядь и не сепети. Стреляльщик... А я серьезен, как никогда. Война с немцами продлится максимум полгода. Они уже сейчас на последнем издыхании, а к ноябрю союзники их додавят. Разнообразных белых... ну хрен с ними, пусть еще на год хватит. А вот потом можно будет заняться тем, о чем тебе говорилось.

Покрасневший Берг присел и виновато произнес:

– Вы уж извините меня за эту вспышку... Просто... просто...

– Да ладно. Я понимаю. Ты очень хочешь мне верить и так же сильно боишься, что это окажется фикцией. Не опасайся. Мне действительно нужны люди для работы. И подойдет далеко не каждый. Вот ты вродеходишь.

Перевозбужденный барон снова вскочил:

– Господин... виноват! Товарищ Чур! Если все действительно так, как вы говорите, то располагайте мной полностью! – После чего, весьма органично перейдя на язык простонародья, добавил: – Я ваш со всеми потрохами!

Улыбнувшись, я тоже поднялся и, слегка двинув бывшего поручика в плечо, ответил:

– Вот и добре. Теперь дело за малым – выжить да победить. А там и своими хотелками заняться можно. Ладно... засиделись мы с тобой. Пора к личному составу возвращаться.

Счастливо улыбающийся Женька лишь кивнул, но когда мы уже шли к броневагону, спросил:

– Товарищ Чур, вот на митинге вас называли одним из лучших командиров Красной Армии. Да и я слышал и видел, как вы действуете. То есть сейчас вам открывается прямая дорога в штаб-офицеры, а то и в генералитет. Неужели, имея такие перспективы, после войны вы думаете уйти в отставку?

Я ухмыльнулся:

– Узко мыслите, барон. Зачем же сразу «в отставку»? Мы что – хуже англичан? У них там вполне себе действующие офицеры легко могут заниматься самыми разнообразными делами. Лишь бы на благо Родины. Вот и у нас отряд будет таким же. Со всеми государственными льготами, гарантиями и выслугой лет. Только мы не строим ходить будем, а заниматься тем, к чему душа лежит.

У просто светящегося Евгения, судя по всему, было еще миллион вопросов, но мы уже дошли, поэтому разговор пришлось прервать.

А дальше... ну а дальше занялись делами. В первую очередь необходимо было достать пару верховых лошадей и транспортное средство в виде пролетки или телеги. Одна пролетка у нас уже была, но мы в нее не помещались. Все-таки десять человек возвращаются обратно к батальону. Не пешком же нам топтать? Да и вначале нам до Покровки надо добраться. Посмотреть, как там Григоращенко с делами управляется. Ну и рассказать ему об изменениях в батальоне. Все-таки Матвей Игнатьевич вовсе не последний человек, а помимо того, что взводный, так еще и председатель матросского комитета. Вполне закономерно, с нами хотел увязаться Трофимов. Но я приказал ему дожидаться комиссара. А с Григоращенко я переговорю, и пятерых людей на БеПо он выделит сам.

В конце концов все нормально утряслось, и мы двинули в сторону Покровки, куда без всяких приключений и прибыли. Правда, уже в сумерках. Народу в деревне стало поменьше, поэтому Матвей Игнатьевич разместил своих людей вольготно. Аж в пяти хатах. Ну и нам место нашлось.

Слухи о проделках отдельного батальона морской пехоты дошли уже и сюда, поэтому встреча была бурной. Бывший боцманмат жадно выпрашивал подробности и попутно хвастался достижениями. Он рассказал, что балтийская братва официально взяла над нами шефство и в конце прошлой недели прислала для батальона груз и тройку авторитетных товарищей. Груз – это две сотни новеньких тельников и двенадцать пар не менее новеньких сапог. Уж не знаю почему не ботинок, но подарок был шикарным. Щепетильный Григоращенко не мог не отдариться, поэтому отбывшим позавчера товарищам, в виде ответного дара, были вручены три маузера (один из которых бывший Гришкин) в деревянных кобурах и три комплекта формы морских пехотинцев. В общем, все остались довольными друг другом, только сейчас Игнатьич несколько опасался реакции командира на разбазаривание батальонного имущества. Тем более что гостей встречали хлебосольно, поэтому пили практически беспробудно. Вот председатель с пьяных глаз и расщедрился. А теперь Григоращенко смущенно шаркал ножкой, в ожидании моего решения.

Но я успокоил взводного, сказав, что он сделал все правильно. Показал балтийцам, что и мы не лыком шиты. Да и в дальнейшем надо будет слать братве разные ништяки, чтобы не забывали и чтобы не думали, что мы тут словно бедные родственники. Хотя после выхода завтрашних газет так уже никто думать не станет.

В общем, пообщавшись с сослуживцами, расположились на отдых. Матвей Игнатьевич, получив распоряжение о выделении пятерых морпехов на «Братишку», пообещал отнестись к делу со всей ответственностью и предоставить наиболее опытных бойцов. При этом он сам завтра собирался отправиться в Таганрог с целью и на бронепоезд посмотреть, и с Трофимовым переговорить.

А утром мы, распрощавшись с братвой, неторопливо покатали на северо-запад, в обход немецких позиций. Судя по известным данным, тут крюк получится километров на тридцать в одну сторону. И покачиваясь в седле, я очередной раз добрым словом вспомнил автотранспорт. Сами посудите – на машине

шестьдесят километров это час езды. Да фиг с ним – пусть даже полтора часа по этим грунтовкам. А вот гужевым транспортом мы только объезжать фрицев будем два дня.

Тут меня накрыло пофилософствовать, и я подумал, что, наверное, именно из-за низкоскоростного транспорта люди в этом времени настолько неторопливые. Это ведь у нас, если ты утром в Москве, а вечером в Пекине, то и жить и думать надо быстро. А здесь – если просто до соседней деревни доехать, это считай надо день потратить. Поэтому все делается очень и очень неспешно. Наверное, поэтому меня тут считают несусветным живчиком, который и сам метеором носится, и других подгоняет, выбивая их из привычного неторопливого течения жизни.

Глава 4

Солнце, стоящее в зените, жарило совсем не по-детски. Вот что значит юг. Начало мая, а палит как будто середина августа. И главное, даже раздеться толком нельзя. Оводы, размером с откормленного воробья, зорко бдят, ловя малейшую оплошность. Один меня уже саданул в спину, да так, что я чуть с коняшки не свалился. Поэтому приходилось быть постоянно начеку, пополняя личный счет. Иногда прямо на лету этих сволочей изничтожал. Только один фиг все тело зудело от пота и очень хотелось помыться. И главное, что вчера весь день небо было в легких облаках и дул ветер. Поэтому передвигались чуть ли не с комфортом. А сегодня вот такая бяка...

Размышляя о том, что жизнь хороша, если у нас есть возможность раздражаться по поводу жары и оводов, я как сглазил. Потому что еще минут через сорок, выехав на небольшой пригорок (я как раз выполнял функцию передового дозора), увидел вдалеке каких-то людей. Тут же съехав вниз, предупредил остальных и, вернувшись назад, принялся наблюдать за непонятными незнакомцами. Бинобль был хоть и цейсовский, но расстояние все равно достаточно большое для понимания деталей. А так разглядел десяток телег и человек пятьдесят верховых. У всадников были винтовки и вроде как даже шашки, но точно не скажу, так как все терялось в зыбком мареве. Примостившийся рядом Берг попросил оптику и через пару минут констатировал:

– Непонятно, кто это. Но форма точно не немецкая. Фуражки вроде как наши. И похоже, в телегах раненые.

Я поднял брови:

– С чего такой вывод?

Тот пояснил:

– Слишком осторожно едут. Даже без дорог и по степи можно двигаться быстрее. А у них сейчас скорость, как будто раненых растрясти опасаются.

Лежащий с другого бока автоматчик тоже вступил в разговор:

– И кто ж це может быть?

Еще раз глянув на далекую колонну, я решительно отрубил:

– Пофиг! Главное, что они нас не увидели. А то что-то их там до хрена. Если сагрятся, то нам солоно придется. Но вот то, что с ними раненые могут быть, это нехорошо.

Барон глянул на меня:

– Почему? И что такое – «сагрятся?»

Пришлось пояснять:

– Ну это значит – проявят агрессию и, щелкая зубами, вздумают напасть. А насчет раненых... хм... ведь где-то же их ранили? Значит, был бой. Территория под немцами. И фрицы сейчас, из-за того что пролюбили бронепоезд, нервные до невозможности. Так что за этими вояками вполне возможна погоня.

– Может, они и не с немцами воевали?

Я кивнул:

- Все может быть, но лучше уйти пока в сторону...

В общем, так и сделали. Забрали южнее, чем нам надо, и теперь двигались вообще без дороги, прямо по степи. Решение оказалось верным, так как еще часа через два разглядел совсем вдалеке клубящееся облако пыли. Кто там был - вообще непонятно, но ясно, что такую пылюку могли поднять не менее нескольких десятков всадников. Я лишь морду беретом утер, размазывая пот и грязь, и, пробормотав «да ну нафиг», повернул свою группу подальше от этих странных движений.

Из-за этой пугливой езды к точке сбора добрались не после обеда, а гораздо ближе к вечеру. Еще и заплутал немного, но не суть - главное, что батальон нашел. Увидев знакомую балку, воодушевился и чуть было не погнал лошадь вскачь, но тут из кустов раздался радостный голос:

- Здорово, товарищ Чур! Как добрались?

Вот я же говорил, что Михайловский нормальный командир! Секреты вокруг оврага поставил. Которые не просто так валяются в теньке, а бдят. А то, что дозорные меня не совсем по уставу встретили, так еще и уставов-то как таковых нет. Поприветствовав своих ребят, мы поехали дальше, и буквально через десять минут я был затискан комиссаром. Даже чтящий субординацию Витька, преодолев смущение, полез обниматься.

А потом, ополоснувшись в ручье, мы рассказывали, как пригнали «Братишку» в Таганрог и что из этого получилось. Тут же стали предварительно прикидывать, кто именно пойдет в экипаж бронепоезда. В процессе выяснилось, что помимо бойцов я еще теряю комвзвода-1 Липатова, потому как он тоже из комендоров, да еще и наиболее опытных.

После чего был разговор с Васильевым. Александр Михайлович уже пообтерся в коллективе и больше не пугался развязных матросиков. Как обещалось в свое время - человек ко всему привыкает. Вот и он привык. И идти на должность заместителя командира я его (хоть и с некоторым скрипом) убедил. «Скрип» происходил из-за того, что бывший штабс-капитан остерегался общаться с незнакомыми красными, а ему, решая вопросы снабжения и боевого взаимодействия, придется это делать постоянно. Но я объяснил, что форма морского пехотинца снимет вообще все вопросы, а если вдруг кто-то возбужнет,

не уловив тонкости момента, то у него под боком всегда будет Гришка. Тот, за Васильева порвет вообще любого, невзирая на должность и положение. И даже не из-за великой любви к бывшему штабс-капитану, а из-за страха остаться без направляющего и подсказывающего мозгового центра.

В общем, Александр Михайлович успокоился и повел меня к технике – хвастаться. И реально было чем, потому что они за эти три дня сумели присобачить крупнокалиберное творение Максима на грузовик. Все необходимое заранее набрали в мастерских на станции и поэтому даже лист металла снизу кузова подложили, чтобы крепления при стрельбе не вырвало. Так что теперь «Прага» стала чисто артиллерийской техникой. Будет возить скорострельную пушку, запас снарядов и расчет. А при наличии эдакой бибики мы даже с «железным капотом» сможем потягаться. Не скажу, чтобы на равных (броня она и в Африке броня), но сможем...

После того как командный состав удовлетворил свое желание общения с начальством, меня увлек за собой Мага. Я за всеми переживаниями уже и забыл, с какой задачей его оставил, но абрек отнесся к поручению со всей ответственностью. И в этот раз «дола» не поместилась бы ни в какой мешок, так как была весом килограммов пятьсот, имела вороную масть, а общей ухоженностью походила на «мерседес» представительского класса. Точнее – походил, потому что это был конь. А судя по тому, как в отдалении, вроде бы чисто случайно, тусовались бойцы, то это походило на подарок от всего батальона. Мне ребята уже давно мозг сверлили по поводу замены средства передвижения. Дескать, не к лицу лихому командиру героического подразделения передвигаться на какой-то невзрачной кобыле. А я к Дуньке привык. Характер незлобивый, сама выносливая, послушная. Этот же сопит букой и косит лиловым глазом. Да еще и весь в мышцах, словно Шварценеггер. Такой лягнет – у меня позвоночник в трусы просыплется. Но отступать нельзя.

Поэтому тайком вздохнув, я пожал Маге руку и, приветливо махнув наблюдающим издали мужикам, одним махом вскочил в седло. Ну и, под приветственные выкрики, поскакал в закатную степь. Лошадиный Шварц при этом пер как танк, лишь бока от дыхания раздувались. Ощущения, будто с «шохи» на «тойоту» пересел. Моща просто запредельная. В общем, «дола» мне понравился, невзирая на какое-то смутное чувство тревоги. Ну да ничего – пару дней обкатки и привыкну. Тем более что зверюга вроде послушная. Да и действительно, сколько можно ловить удивленные взгляды окружающих, рассекая на своей Дуньке? Ведь по нынешним раскладам хороший конь – это

словно престижная машина в наше время. И в моем положении просто неуместно кататься на чем-то не престижном. Так что необходимо соответствовать. А с этим «подарком» я еще найду общий язык. Вот дам ему морковки или горбушку подсоленную – сразу и подружусь...

Погоняв по степи минут двадцать, вернулся, поводит коня в поводу, дал вкусняшку, после чего, оставив средство передвижения у коноводов, был позван к ужину, который плавно перетек в обсуждение дальнейших планов. Хотя какие тут планы? Мы просто продолжили делить людей на тех, кто останется, и тех, кого командиром на бронепоезд. Личный состав морского происхождения принимал в этом живейшее участие. Сухопутным морпехам тоже было все интересно, и хоть их кандидатуры не рассматривались, зато они давали советы, поэтому гомон стоял – мама не горюй! Я же, учитывая специфику своего подразделения, сие безобразие не прекращал, давая людям выговориться и принять хоть какое-то участие в решении своей дальнейшей судьбы.

В конце концов, ближе к полуночи, развлекауха закончилась, и комиссар, построив подразделение, стал давать наказания отобранным. Типа «не посрамить», «с честью нести», «доблестно защищать» и прочую пургу. Хоть я и говорил, что пафос не люблю, но у Лапина это получалось очень даже органично, поэтому народ внимал его речам весьма благосклонно. Тем более что общий фон получился, словно в театре – подсвеченные неровным светом костров суровые лица бойцов, отражающие красноватые блики штыки на винтовках, знамя батальона, периодически взлетающие искры (а вот за искры дневальных прибы). В общем, получилось весьма торжественно. В конце произошло практически самопроизвольное песнеизвержение. Народ с чувством исполнил хоровую композицию про «голодных и рабов». Я, под занавес, чуть было не добавил «о, е-е-е», но смог сдержаться. Неудобно, гимн все-таки[9 - В реальной истории «Интернационал» был гимном РСФСР с 1918 г. по 1944 г.]...

* * *

Утро выдалось шикарным. На небе опять были легкие облачка, дающие хоть какую-то тень. Да и ветер неплохо разгонял мелкую летающую сволочь, так досаждавшую нам вчера. Кстати про вчера. Помня непонятную встречу с не менее непонятными всадниками, я сразу повел батальон немного южнее. И где-то до полудня вообще все было замечательно. Правда, еще с утра я хотел двинуться на мотоцикле, но вмешался Кузьма, который попенял на

пренебрежение к людям. Дескать, получил я вороной подгон от батальона, и надо народ уважить. Погарцевать перед парнями туда-сюда. Морду сделать порадостней. Бойцов это вдохновит. А на своей воняющей дымом тарихтелке я еще накатаюсь. Поэтому байк тянула лошадь, а я, верхом на черной неутомимой зверюге, нарезал круги вдоль походной колонны.

Но в начале первого, когда уже думали делать привал, со стороны, где был боковой дозор, донеслось несколько далеких выстрелов. Всем сразу стало не до отдыха, и батальон начал разворачиваться в боевой порядок. Но минут через пятнадцать вернулись посланные в ту сторону разведчики, которые и прояснили ситуацию. Они перехватили посыльного от дозора, и он рассказал, что наши ребята наткнулись на буденновцев. Прежде чем разобрались ху из ху, немного постреляли. А так как что мои, что казаки стрелять умеют хорошо, то есть раненые с обеих сторон. Но главное не это. Главное было в том, что людей Семена Михайловича гонят немцы. Буденный еще вчера часть своего отряда отправил с ранеными, а сам, с сотней всадников, начал отвлекать фрицев. Вот только немчура была опытная и конная, поэтому сцепились словно бульдоги. Целым эскадром. А эскадрон – это что-то около полутора сотен рыл. Возможно, больше. Да еще сегодня с утра появился броневи́к. Хорошо, что он застрял в промоине и отстал, а то бы их уже всех побиили. И уйти толком не получается из-за того, что лошадки сильно устали.

Мы с Лапиным переглянулись. Комиссар, смешно пошевелив носом, осторожно выразил свои пожелания:

– Как-то оно не так выходит... Чур, что скажешь? Помочь бы надо товарищам... Получится у нас?

Я же лихорадочно размышлял. Немцы о нас еще не знают. Но прямое столкновение – это сразу большие потери. С другой стороны, ухлопают сейчас Буденного, и мне станет стыдно. Он ведь один из немногих нормальных людей, о которых народ и в моем времени хорошо вспоминает. Да и казаков он очень даже неплохо объединил. Как там в песне было: «Едем мы, казаченьки, едем краснозвездные, / В конницу Буденного едем мы служить»... То есть чубатые ехали не к кому-нибудь, а именно к Семену. Личность, она, знаете ли, огромную роль сейчас играет. Значит, его гибели допустить нельзя. Плюс мои братишки станут очень косо смотреть, если мы сейчас просто уйдем. Поэтому надо впрягаться. Но вот как именно? Хм... а чего я уперся в прямое столкновение? Ведь засада – наше всё! И пока противник о нас не догадывается, необходимо

все правильно организовать и вывести фрицев на пулеметы. Правда, без взаимодействия с Буденным этого не получится. А значит... Привстав на стременах, я заорал:

– Командиры взводов ко мне! – и через пару минут уже раздавал ЦУ: – Васильев – готовься разворачивать свои «самовары» по вражеской коннице. Где именно, скажу чуть позже. Но тот крупняк, что на грузовике, не задействовать. Его держать на случай, если появится немецкий броневик. А вот как появится – весь огонь на него. И из крупняка, и минометами. Ты понял? Весь огонь! Иначе нам броня всю малину обосрет. А так, глядишь, испугаются разрывов, подумав, что у нас есть полноценная артиллерия, да и свалят. Михайловский, берешь свои тачанки и двигаешь за мной. Сразу на месте будем разбираться, куда сподручнее встать, чтобы фрицев на тебя вытянуть. Липатов, берешь тех, кого отобрали в сводный экипаж, и вместе с обозом уходишь вон туда, на юго-восток. Не хватает, чтобы мне сейчас людей, набранных для бронепоезда, побило. И не спорь! В бой вступать только в случае, если на вас кто-то случайно выскочит. Второй и третий взвод... вернее то, что осталось – идете вместе с тачанками Михайловского. Журбин, пятерых отправишь с обозом, для дальнего охранения. Остальные – за мной. Всё! Время всем – пять минут!

И не став дожидаться, когда мои приказания станут доносить до личного состава, двинул в сторону обнаруженных буденновцев. Лапин, едущий рядом, решил уточнить:

– Чего сам-то? Может, курьера послать?

Отрицательно мотнув головой, ответил:

– Нет. Надо или тебе, или мне. Нас Семен лично знает. Да и чую, что времени все меньше остается. Так что надо очень быстро решать.

Предчувствия не обманули, так как минут через десять, выехав на сопку, увидел всю картину целиком. И сотню Семена (вроде даже меньше сотни), и километрах в трех от них большое облако пыли, в котором была видна голова колонны конной немчуры. Выругавшись из-за того, что время кончилось, повернулся к комиссару:

– Давай к Михайловскому. Скажи, пусть во-о-он от тех кустов атакует с ходу. Как он там говорил – «с налета с поворота». Но ближе трехсот метров не подходит. Васильев сам разберется, что и как. А я к Буденному. Скажу ему, чтобы уводил своих людей туда.

После чего, вместе с Магой и пятеркой разведчиков, во весь дух рванул к как-то неторопливо едущим казакам. Вот только пока скакал, увидел странную вещь. Наши конники почему-то остановились и стали разворачиваться в цепь. Они что – идиоты и самоубиться об фрицев вздумали? Ведь дозорные наверняка доложили своему командиру, что встретили отряд Чура! Или Буденный решил, что мы слишком далеко, чтобы ввязаться в бой? А может, подумал сейчас отвлечь боем немчуру с той целью, чтобы мы в самый ответственный момент внезапно ударили? Но один хрен надо как-то успеть согласовать действия. Я огрел коня плетью, и тот вообще полетел как самолет, по-моему, даже повизгивая от злости и восторга. Вот почти успел. Семен даже увидел меня и приветственно махнул рукой. Но его лава уже начала разгон. Поэтому пришлось орать:

– К кустам! К кустам вон тем доворачивайте! Доворачивайте!! Дово... Сука-а-а!

Последнее слово относилось к тому, что я доскакал до буденновцев, но при этом внезапно потерял управление. Мой вороной педераст, влившись в общую лаву, закусил удила и, напрочь перестав слушаться руля, со злобным визгом, вместе со всеми внезапно понесся в сторону немецких кавалеристов. И не просто понесся, а еще, мудила такой, за счет резвости обогнал всех. Вот и получилось, что я, как последний debil, чуть смещенный к левому флангу, возглавил все это сумасшествие. На секунду оглянувшись, увидел подпирающих казаков, которые, выставив длинные пики и разинув рты в вопле, неслись следом. Где-то там же мелькнула черная Магина черкеска и его выпученные глаза.

А впереди... Впереди все было очень плохо, потому что на меня стремительно накатывалась охрененная толпа немцев, тоже что-то орущая и размахивающая саблями. Мне как-то моментально стало не до целеуказаний, и, завопив «бля-я-я!!», я вообще бросил бессмысленные поводья и дернул из-за спины автомат. Рассудил так – даже если сейчас свалюсь с лошади, то или покалечусь, или меня затопчут казаки. Значит, надо как-то проскочить сквозь фрицев. Но проскочить можно лишь в том случае, если получится освободить проход. Поэтому, привстав на стременах, метров с двухсот открыл огонь. Расстояние сокращалось столь стремительно, что когда закончился магазин, до противника оставалось метров

пятьдесят. Зато при этом четыре лошади со всадниками упали, вызвав небольшую кучу-малу. Только этого было мало. Выпустив автомат, схватился за пистолеты. Успел несколько раз нажать на спусковые крючки и всё. Пришлось резко наклоняться вбок, уходя от сабельного удара. Я-то ушел, а вот вороному этот удар пришелся по шее. Успев выдернуть ноги из стремян и улетаю в сторону, даже позлорадствовать умудрился. Если бы не фриц, я бы этого козла брюнетистого сам прибил за столь неожиданную подставу!

Упал удачно. Кувыркнувшись и прыгая из стороны в сторону, добил остатки магазинов в пытающихся меня достать кавалеристов. Хорошо еще, что они друг другу мешали, да и я ловко прятался за лошадиными трупами. Расчистив небольшое пространство вокруг, понял, что перезарядиться не успеваю, и схватил валяющуюся саблю. Ткнул в лошадь одному, потом рубанул по ноге второго. Срезал снизу третьего, и сабля, выскользнув из руки, осталась в противнике.

Нет, меня бы обязательно достали, но подоспевший Мага с несколькими казаками оттеснили самых ближайших врагов, что дало возможность выдернуть револьвер из кобуры ближайшего трупа (свои пистолеты валялись где-то в траве). Пятью выстрелами уложив их противников, я взлетел на бесхозную лошадь и заорал:

– Буденновцы, за мной! Ведем немцев под пулеметы! За мной!!! Влево прорывайтесь!

Услышали, разумеется, далеко не все, так как вокруг стоял ор, ржание, звон оружия и выстрелы. И не знаю, что бы из всего этого получилось, так как ты еще попробуй выйти из драки. Вот только покажи противнику спину – тут же получишь удар. Но вмешался Михайловский. Витька быстро сообразил, что произошло, и не стал дожидаться в засаде. Три тачанки выскочили сбоку, и «максимы» загрохотали метров со ста. Я чуть было опять с лошади не кувыркнулся, и лишь через секунду дошло, что очереди идут поверх голов. Конечно – как же стрелять, когда все перемешались? Следом за первыми появились остальные пулеметные повозки, набитые морпехами, которые сразу начали орать «ура», и немцы дрогнули.

Ну да – что именно происходит, дальние не видели. Зато слышали работу пулеметов и атакующий русский клич. Вполне резонно решив, что к казакам откуда-то пришла неожиданная подмога, противник попытался отступить. И вот

тут «максимы» показали себя во всей красе. Пытающуюся отойти группу человек в сорок срезали вообще за несколько секунд. А потом в общую свалку врубился мой разведвзвод (пусть и не полного состава), и противник начал разбегаться, а после злых пулеметных очередей задирает руки.

Минут через десять подъехал Буденный. К тому времени мы, сидя вместе с комиссаром на дохлой лошади, молча курили. Лапин, когда прискакал ко мне, пытался что-то сказать, но я призвал к тишине, и чуткий Кузьма просто уселся рядом. Взводные тоже не беспокоили, отдавая распоряжения чуть в стороне. А у меня только-только перестали трястись руки. Мля... ведь реально чудом выжил... И даже штаны сухими сохранил. Но чтобы я еще раз влез в подобную передрагу... Вспомнив блеск немецкой сабли над головой, передернулся всем телом, а потом, прищурившись (солнце било в глаза), глянув на подъехавшего, сказал:

– Привет, Семен.

Буденный же, ловко спрыгнув с лошади, одним движением сгреб меня в охапку (вот вроде мелкий, но сильный!) и, прижимая к бочкообразной груди, прорычал:

– Ну ты, казачина, и выдал! Я ведь, когда лошадь под тобой пала, грешным делом решил, что всё. Гаплык хлопцу! А ты четырнадцать германцев уложил! Четырнадцать!! Мне робяты уже обсказали. Кому скажи – не поверят! В конную свалку, без шашки или пики, як скаженный сунулся! Уж пошто меня за храброго человека держат, но и я бы не решился, чтобы вот так...

Отцепляясь от командира казачьего отряда, я хмыкнул:

– Ага... рассказывай. Сам-то чего полез на фрицев? Их же раза в два больше было. Я как дурак скакал, предупредить хотел, чтобы вы их на пулеметы выводили. Но ты мне ручкой красиво сделал и попер вперед, словно бессмертный.

Семен захохотал:

– Дык я и есть бессмертный! Мне одна сербиянка так и наворожила, шо ни пуля, ни сабля меня не возьмут! Вот и сейчас смотри, – он махнул полой накидки, – в бурке две дыры да три пореза, а сам без царапинки! – После чего, оборвав смех,

продолжил весьма серьезно: – Но ты со своими орлами очень вовремя появился. Размазали бы нас драгуны. К бабке не ходи – размазали бы... Так что мы, считай, жизнью вам обязаны...

Я отмахнулся:

– Брось. Одно дело делаем...

В этот момент подошедший Мага протянул мне мои пистолеты, и я, рассовывая их по местам, благодарно кивнул «чеху», сказав:

– О! Еще один типа «должник»... Ну что, Магомед. Сегодня ты свой долг закрыл полностью. Так?

Но абрек, у которого весьма довольно блестели глаза, запазуха черкески явно топорщилась какими-то трофеями, а под мышкой были зажаты сразу три сабли, резко воспротивился:

– Нэт. Сычас я тэбе помог, а ты мнэ помог. Тот нэмца, который я дралса, сылный рубалка был. А ты его в башка – бах! И всо. Так что долга как был, так и ест.

На это я лишь хмыкнул, так как хитрого горца давно раскусил. Ну какой там долг жизни? Это лишь в возвышенных романах встречается, и верить подобному я вовсе не собирался. Просто обладающий волчьим чутьем Мага видит во мне удачливого предводителя большой банды, находясь в которой, можно поиметь очень даже нехилые дивиденды. И дивидендов у него только с этого похода уже две полные переметные сумы. А ведь как выйдем к нашим, словно бы ниоткуда появится парочка его родственников-земляков, и трофеи убудут в сторону гор. Но меня пока все устраивает, тем более что Чендиев боец неплохой, да и за спину я спокоен. Ему самому очень выгодно, чтобы я был командиром, а он был при мне.

И вообще у меня на него очень большие планы. Вернее, не на самого Магу, а на всех «чехов» скопом. Народ они весьма своеобразный, и хоть как-то перевоспитать их, даже у советской власти, не получилось. Вот я и прикинул – а что, если не перевоспитывать, а просто направить их неумемную энергию в нужную для государства сторону? Разумеется, не национальные дивизии создавать (сия глупость сильно аукнулась еще в сорок первом), а предложить им

то, что реально близко менталитету. Но для этого нужно, чтобы мой абрек обладал в их среде весом и известностью. Во всяком случае, такой, чтобы по его рекомендации меня выслушали на Шуре.

В это время Буденный снова завладел моим вниманием, рассказывая, как два дня назад его отряд был обнаружен с самолета и как их начали гонять немцы. Патронов у ребят уже тогда было – кот наплакал (пулеметы, из-за большого расхода боеприпаса, вообще исключили из расчета и распределили оставшиеся – по паре обойм на винтовочный ствол), поэтому пришлось уходить. Но германцы как взбесились, не отставая ни на шаг. И даже ночной изнурительный бросок буденновцев в сторону не смог сбить немчуру со следа. Особенно солоно пришлось, когда по их походной колонне стала бить артиллерия. Тут я прервал усатого собеседника:

– Говоришь, вчера утром это было? А сколько орудий по вам работало?

Семен уверенно ответил:

– Три орудия. Калибр что-то навроде нашей трехдюймовки. И пощипали нас шрапнелью знатно...

– А самолет и вчера и сегодня был?

– Не... только сёдня с утра крутился, гад, минут сорок. То прилетал, то улетал...

Я расстроился. Воздушный разведчик путал все планы. Немцы, похоже, очень сильно обозлились на угон бронепоезда и поэтому бросят все силы на уничтожение обнаруженного отряда. Им сейчас пофиг – те это или не те. Главное перед начальством отчитаться. А имея под рукой воздушную разведку, обнаружить нас в голой степи не составит труда. Правда, главных загонщиков мы уничтожили, но ведь это не последние кавалеристы у кайзера? Тем более что из допросов предыдущих пленных я знал, что в составе пятьдесят второй пехотной бригады, которая действует на нашем направлении, есть эскадрон уланского полка «Король Вильгельм I». А вот эти, которых сейчас положили, судя по форме, вовсе не уланы, а драгуны. Значит, у фрицев на южном участке произошло усиление войсками, и те самые уланы из бригады могут быть брошены против нас в полном составе.

Хм... допустим, что самолет нас опять обнаружит. Сообщит – мол, красных стало значительно больше. Но при этом мобильность у них меньше. И начнут нас гонять, словно собак шелудивых, по всей степи. Значит, надо что-то придумывать. Поглядев на пленных, которых разгоряченные боем казачки сгоняли в большую кучу, я принял решение:

– Командиры взводов ко мне! – а после того, как и мое и буденновское начальство собралось, стал до них доводить свои мысли: – Так, казачины... Форма что у вас, что у фрицев пропылилась до состояния одинаковости колера. Поэтому надо собрать все немецкие каски и надеть их вместо фуражек. Ну и взять их пики с флажками.

Семен поднял брови:

– Так ты шо, хошь выдать нас за германцев? А ты, хлопче, ведаешь, что ежели во вражью форму переоденемся, то станем считаться шпионами и подлежим расстрелу на месте?

Я кивнул:

– Знаю. Но не надо бздеть (тут казачня протестующе загудела). Это ненадолго. Сейчас у нас главная задача – перед их летуном покрасоваться. Летчик издали должен увидеть, что бравые немецкие кавалеристы наголову разгромили красных и теперь гонят их остатки в тыл.

Буденный аж хрюкнул от неожиданности:

– В тыл?

– Именно так. Вот сам посуди – сейчас у тебя... вернее уже у нас, на хвосте висит немецкий броневик и артиллерийская батарея. Которые в любой момент могут быть усилены пехотой и кавалерией. И учти, что немцы нас упускать не собираются. Для некоторых из них это вообще вопрос жизни и смерти.

Один из казаков поинтересовался:

– Эт чегой-то так?

Пожав плечами, я спокойно ответил:

- Да просто третьего дня я у них новенький бронепоезд угнал, вот они на уши и встали...

Кто-то из буденновских командиров не выдержал:

- Брешешь!

- Базар фильтруй. Не на завалинке сидишь!

Тот, может, и не поняв моего перла, но догадавшись по интонации, сразу исправился:

- Виноват, товарищ Чур.

А охреневший от услышанного Семен решил уточнить:

- Дык как же тебя удалось такое повернуть?

Я махнул рукой:

- Потом расскажу. Факт в том, что БеПо мы захватили и хитростью перегнали до Таганрога. Часть людей осталась там, а я вернулся вывести батальон. Но только вышли, как на вас наткнулись. Такая вот петрушка получается. И больше всего я сейчас боюсь воздушного разведчика. Немцы ведь никаких сил не пожалеют, чтобы нас прижать. Тогда у них хоть какое-то оправдание перед начальством будет.

Буденный разгладил усы:

- Понятно теперь, пошто германцы такую прыть явили. Ну ты, Чур, и выдал! Когда про тебя в Покровке байки гуторили, не очень им доверял. Думал - прибрехивает народ. А теперь, думаю, шо преуменьшали твою лихость. Ну ты могешь!

Я ухмыльнулся:

– Не можешь, а можешь! – И переходя на серьезный тон, продолжил: – Ладно, это все лирика. Сейчас у нас несколько задач вырисовывается. Первая – подманить летуна так, чтобы он безбоязненно прошел над нами как можно ближе. Чтобы гарантированно его сбить.

Собеседник поморщился:

– Да пробовали мы. Не получается...

– Потому что он далеко крутился. А тут увидит каски, пики да толпу пеших пленных, которых гонят на запад, и обязательно захочет нормально все рассмотреть для доклада. Тем более что его увеличение нашей численности смутит. Появившиеся телеги и пехота... Не-е... непременно поближе подлетит. Тут его и прищучим.

– А ежели не сшибем?

Обозлившись, я рявкнул:

– Никаких «ежели» не может быть! У меня только ручников восемь штук! Да и из винтарей бойцы крыть станут. Куда он нафиг денется?

Буденный уважительно кивнул:

– Ого! Бохато живешь... Восемь ручников... Лады. А потом что?

На всякий случай сразу пояснил:

– Пулеметы все трофейные, так что ус на них не крути. Ну а потом мы должны вынести артиллерию и броневик. Кстати, броневик это такая здоровенная дура, с кучей пулеметов?

Семен мотнул головой:

– Не... наш обычный двухбашенный «Остин». Видать, ишшо зимой захватили, вот и пользуют... Но я чегой-то не пойму – а на пушки нам за каким чертом лезть?

Я пояснил:

– У фрицев орудий тоже не полные закрома. И чем больше мы их выьем сейчас, тем проще нам потом жить будет. И если у нас с самолетом... отставить. Не «если», а когда у нас с самолетом все получится, то на батарею выйдем под видом немцев. И там уже как выйдет. Либо пушки с собой захватим, либо подорвем на месте.

Кто-то из буденновцев проявил опаску:

– А ну как на броневик нарвемси? Тады что? Он ведь в степи нас хорошо покрошит.

– Против броневика у меня есть крупнокалиберный пулемет на грузовике. Так что все учтено.

Тут не выдержал Буденный:

– Да твою ж мать! Чур, откель у тебя столько всего?! Я знаю, что «максимы» у тебя были. И еще какие-то трубы, словно от самовара. Как их там – бомбометы? Но остальное-то откуда взялось? Грузовики, крупнокалиберные пулеметы... А броневика у тебя за пазухой нема?

Я грустно вздохнул:

– Нема. И это сильно гложет мою хозяйственную натуру. И артиллерии нормальной нету. А от вас я узнаю, что это все здесь есть и почти ничейное. Вот как пройти мимо такой кучи добра? Да и вам те же пушки вовсе не помешают. Броневик, если что – не отдам, у вас все равно механиков нет, а вот орудиями поделюсь.

Семен, глядя на мою физиономию, сначала поперхнулся от неожиданности, а потом начал ржать. Через секунду остальные подхватили смех. А Буденный, тыкая в меня пальцем, выдавил:

– Не, паря! Хучь ты память и потерял, да суть не спрячешь! Истинно говорю – из казаков ты! Наш! Это ж надо додуматься, в такой обстановке еще и дуван дуванить!

– А что тут такого? Хочешь жить – умей вертеться! Ладно... посмеялись, пора делом заниматься.

Ну и занялись делом. Разведчики (все с немецкими флажковыми пиками и в касках) были разосланы в дозоры. Весь пеший личный состав тоже напялил каски (этого добра у нас после захвата складов вполне хватало). Пулеметчики очередной раз проинструктированы, как себя вести при встрече с самолетом. Я их и так учил борьбе с воздушной угрозой, но лишний раз не помешает. Грузовик с «пом-помом» был утыкан ветками настолько, что превратился в передвижной куст. Это мой козырь, и чем позже его обнаружат, тем сильнее будет «удивление» противника. Пленные, ободренные почти до исподнего, помещены на свое место в общем построении. Колонну возглавила сильно поредевшая сотня Буденного, и мы двинулись в путь.

Кстати, пленные действительно оказались драгунами, присланными на усиление для будущего наступления. Так что я оказался прав, когда думал, что БеПо не просто так на нашем участке появился. Но с его пропажей у фрицев начался сумбур, и они решили, прежде чем наступать, сначала разобраться со зловерными партизанами у себя в тылу.

Где-то с полчаса двигались вообще беспрепятственно. А потом появился самолет. Личный состав, настропаленный моими матами да угрозами, изображал картину «улыбаемся и машем». Пленные также вели себя вполне прилично. А чего бы им не быть паиньками – сорок минут назад, когда четверо из них отказались надевать казацкие фуражки, их тут же без затей зарубили. И вот только не надо тут рассказывать о разных конвенциях и гуманном отношении. Те же фрицы, как выяснилось из допроса свежих пленных, нас тупо объявили бандитами. Со всеми вытекающими последствиями. Ну а если на нас не распространяются правила ведения войны, то и мы их соблюдать не собираемся.

Четырехкрылая этажерка (ну не разбираюсь я в нынешней авиации) пролетела сначала в стороне. Сделала круг с большим радиусом над растянувшейся колонной. Потом ближе. Еще ближе. Глядя на самолет, я неосознанно для себя бормотал «гули-гули-гули», словно подманивая голубя. И вот наконец, судя по курсу, он собрался пролететь прямо над нами.

Прицелы у всех уже были выставлены. И у пулеметчиков, и у пехоты. Все ждали лишь моей команды. И когда я рявкнул: «приготовиться... огонь!», секунды через три наше построение словно взорвалось. Ручники лупили на расплав ствола. Выстрелы винтовок слились в один длинный рокот. И пусть говорят, что порох бездымный, но от этой канонады всех накрыло пороховой копотью. Разумеется, девять десятых стрелков все равно промазали, только и оставшихся вполне хватило, чтобы самолет сначала рыскнул в сторону, а потом, слегка повернувшись на крыло, начал падать. Прямо на нас. Во всяком случае, вначале показалось именно так. Но потом стало ясно, что я ошибался. Пролетев буквально над головами, биплан брякнулся, теряя крылья, метрах в пятидесяти от бойцов. При этом даже не загорелся.

К месту падения немедленно побежала большая толпа, так что пришлось вмешаться:

– Куда нах?! Он же рвануть может! Журбин, давай десяток своих туда. Посмотрите, не горит ли что? Если не горит, то летунов сюда с документами и машинку снимите! Да! И патроны не забудьте!

А потом, повернувшись к Буденному, с нескрываемым самодовольством пояснил:

– Ну где-то вот так я и добываю пулеметы с боеприпасами.

Тот, довольно разглаживая ус, кивнул:

– Дык я уже понял. Кстати, не поделишься от щедрот? А то у нас всего пара «максимов» была, и к тем патроны уже через пять дней вышли. Я их с обозом да ранеными отправил, чтобы лишнего не таскать...

Я кивнул:

– Само собой. Правда, там скорее всего MG с воздушным охлаждением, но вам даже сподручнее будет, так как он гораздо легче.

А минут через пять, пока мы переговаривались, притащили летчиков. Точнее наблюдателя, так как пилот был убит еще в воздухе. Да и притащенный здоровьем не отличался. Мало того что еще в воздухе получил пулю в бок, так

еще и при аварии переломал себе ноги. Но после укола морфия говорить он был вполне в состоянии и поведал нам нерадостные вести.

Оказывается, что артиллерия и уланы ушли в погоню за буденновским обозом, посчитав его за основные силы. И к вечеру вчерашнего дня буденновцев перебили. Практически всех. А раненых просто повыкидывали с телег, оставив в степи. Все это наблюдатель узнал на сегодняшнем утреннем совещании. Добавив при этом, что кое-кого из казаков захватили в плен, и они рассказали, что основные силы находятся в стороне. Эти основные силы пилоты нашли сегодня с утра, а затем при помощи тубуса с донесением навели на них драгун. При этом немецкое начальство посчитало, что драгуны должны достаточно легко разбить и рассеять оставшихся буденновцев. Даже невзирая на то, что попавший в промоину броневик сломался и не мог участвовать в бою. А сейчас летунов послали с заданием посмотреть, как там обстоят дела.

Узнав о подобном отношении к раненым, Семен озверел и собрался порубать к чертям всех пленных. Его казачки тоже схватились за шашки. Пришлось вмешаться и мне и комиссару. Немного охолонул он только тогда, когда я сказал:

– Чего ты тут икру мечешь? Летун на карте хоть и приблизительно, но показал место, где твоих бойцов оставили. Это километров сорок отсюда. Если двинем форсированным маршем, то к ночи дойдем до места. А там уже искать их начнем. Глядишь, кого и удастся спасти.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

PZ – немецкое название бронепоезда.

2

БП – бронепоезд.

3

Железо – жаргонное название корабля.

4

Овечка – паровоз серии Ов.

5

Если что – независимость Польши была признана Временным правительством 16 марта 1917 года. Поэтому Чур, чтящий законы реальности, сказал не про Польшу, а про Малороссию.

6

Солдаты и матросы матом не ругаются. Они на нем разговаривают. Чтобы не засорять книгу обсценной лексикой, маты не пишу. Просто каждый может подставлять их в любую фразу по мере надобности.

7

T-18, БТ – советские легкие танки.

8

Напоминаю, что в этом мире цесаревича зовут Андрей.

9

В реальной истории «Интернационал» был гимном РСФСР с 1918 г. по 1944 г.

Купить: https://tellnovel.com/ru/konyushevskiy_vladislav/dlinnye-versty

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)